

**ДЕТЕРМИНИЗМ КАК МИРОВОЗЗРЕНЧЕСКИЙ
И МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЙ ПРИНЦИП В СОВРЕМЕННОЙ
МАРКСИСТСКОЙ ФИЛОСОФИИ**

Представление о детерминизме как принципе универсальной обусловленности и взаимосвязи явлений берет свое начало в идеях глубокой древности, однако вплоть до появления марксизма оно не получало адекватного теоретического истолкования. В. И. Ленин писал: «Тысячелетия прошли с тех пор, как зародилась идея „связи всего“, „цепи причин“. Сравнение того, как в истории человеческой мысли понимались эти причины, дало бы теорию познания бесспорно доказательную» [2, т. 29, с. 311].

Основы научного объяснения детерминизма как мировоззренческого и методологического принципа впервые дали Маркс, Энгельс, Ленин в учении об универсальной взаимосвязи и закономерности развития природы и общества. Изучение философских и конкретно-научных аспектов детерминации человеческой деятельности продолжено в трудах И. П. Павлова, С. С. Выготского, С. Л. Рубинштейна, Б. М. Кедрова, А. Н. Леонтьева, В. Г. Ананьева, И. В. Кузнецова, Б. Г. Кузнецова, В. Г. Иванова, Я. Ф. Аскина, А. К. Черненко и других ученых. В основе предложенных ими интерпретаций детерминизма лежит следующее ленинское положение: «Отношения каждой вещи... не только многообразны, но всеобщы, универсальны. Каждая вещь (явление, процесс...) связаны с *каждой*» [Там же, с. 203]. Это значит, что в объяснении реальности существует бесконечная цепь связей, взаимодействий, в которую так или иначе включено каждое отдельное явление. Вместе с тем понятие «взаимодействие» не раскрывает полностью сущности детерминизма. Если в понятии «взаимодействие» отражаются любые отношения между непосредственно связанными друг с другом в пространстве — времени объектами, то категория «детерминация» отражает прежде всего отношения причинного порождения одной вещью другой. Таким образом, в категории детерминизма фиксируется результирующая сторона взаимодействия [ср. М. А. Парнюк, 18, с. 8]. Однако центральная идея принципа детерминизма не означает того, что он может быть полностью отождествлен с принципом причинности. Трудно согласиться с утверждением М. А. Парнюка, согласно которому детерминирующие факторы в соответствии со своей природой не только полагают, но и порождают детерминируемую вещь, явление, процесс [18, с. 8—9]. В действительности причинность представляет собой лишь один из видов детерминации, хотя и наиболее существенный с теоретической точки зрения. Ведь

вряд ли имеет смысл говорить о причинности, когда рассматривается связь между сущностью и явлением, необходимостью и случайностью, абсолютным и относительным, абстрактным и конкретным, системой и элементами и т. п. отношениями, в которых детерминация носит симметричный характер, отличающийся существенным образом от необратимых причинно-следственных связей. Поэтому более обоснованной представляется трактовка Б. М. Кедрова, Я. Ф. Аскина и А. К. Черненко, согласно которой принцип детерминизма не исчерпывается причинной зависимостью [10, с. 42; 5, с. 9; 26, с. 7]. Конечно, мы не должны упускать из виду, что причинные связи являются наиболее глубокими объективно и наиболее важными с теоретической точки зрения отношениями возникновения, становления и развития. Не случайно В. И. Ленин подчеркивал, что причинная связь превосходит глубиной и общностью все другие, так как «действительное познание причины есть углубление познания от внешности явлений к субстанции» [2, т. 29, с. 142—143]. Объективный мир в таком понимании выступает в качестве динамичной системы причинных связей как между вещами, так и внутри самих вещей, объясняющей их взаимопереходы и движение в целом.

Вместе с тем диалектика детерминации свидетельствует о возможности перехода детерминирующего фактора в детерминируемый. Так, накопление количественных изменений неизбежно приводит после преодоления некоторой меры к появлению нового качества, революционное изменение качества — к резкому росту либо исчезновению возможных при исходном, уже снятом качестве количественных характеристик. Двойственность детерминации, взаимоопосредование характерны и для детерминации любых других диалектически связанных пар: пространства и времени, движения и покоя, элементов и структуры, части и целого, содержания и формы, возможности и действительности, производительных сил и производственных отношений, целей и средств человеческой деятельности, наконец, свободы и необходимости. Такой подход существенным образом отличается от механистического детерминизма, требующего установления жестких однозначных причинных зависимостей.

На смену метафизически понимаемому детерминизму диалектический материализм выдвинул концепцию единства жесткой и вероятностной детерминации: единства, учитывающего дискретность и непрерывность объективной реальности, наличие относительно устойчивых, однозначных причинных связей и относительно самостоятельных взаимодействий. Как правильно считает В. М. Шлыков, с точки зрения диалектического материализма оба типа закономерностей (вероятно-статистические и однозначные или жестко-детерминированные) являются равноправными, ни один из них нельзя считать первичными и полностью сводимыми друг к другу [27, с. 5].

Применительно к социальной реальности, где, в отличие от природных процессов, действует субъект с его сознанием, эмоциями, волей, принцип детерминизма нуждается в дальнейшей конкретизации. В этой связи В. Ж. Келле подчеркивает: «в обществе речь идет об обусловленности человеческой деятельности, и детерминистский подход здесь должен соотноситься с проблемой свободы, ориентироваться на выявление внутренних детерминант общественного развития, видов, форм и уровней сложных социальных систем [11, с. 52—53], (см. также работы Г. С. Акопяна [3, с. 21], С. И. Аникеевой [4, с. 14], высказывающих аналогичную точку зрения). Указанные авторы справедливо полагают, что глубинным детерминирующим фактором в обществе является способ производства, а затем условия, причины и вся сумма более частных детерминант конкретных событий. Следует, однако, отметить, что В. Ж. Келле не дает систематически развитой интерпретации внутренних детерминант, видов, форм и уровней социальных систем, ограничиваясь предельно общими указаниями на то, что они обладают специфическими системными качествами, относятся к наивысшему уровню организации материи и обладают относительной самостоятельностью [11, с. 55—56].

Эти общие указания, на наш взгляд, могут быть развиты следующим образом. В соответствии с фундаментальным различием между материальным и идеальным мы берем за исходный уровень социальной детерминации объективные условия существования человека и само его общественное бытие как родового существа. Исторически и логически этому важнейшему детерминанту противостоит неразрывно связанное с ним общественное сознание и духовная культура общества в целом, являющиеся вторичным, но не менее существенным детерминирующим фактором, имеющим также *объективное* значение для отдельной личности. Развертывание истории человеческого общества сопровождается дифференциацией, усложнением структурных компонентов бытия и сознания и образованием сложного комплекса производительных сил и производственных отношений, материального базиса, с одной стороны, и соответствующей ему надстройки — с другой.

В общем виде совокупность материальных и духовных, объективных и субъективных детерминирующих факторов может быть представлена следующей схемой.

Сфера субъективной детерминации

- VI. Субъективная индивидуальная зависимость от всей совокупности условий I—V
- V. Субъективная зависимость социальной группы как организованного целого, являющегося одновременно структурным элементом того или иного социального класса

IV. Субъективная зависимость социального класса от природных и исторических условий его существования и способа производства

III. Объективные надстроечные институты: экономические, политические, правовые, моральные, художественные, религиозные

II. Объективные экономические условия бытия общества и способ производства материальных благ

I. Объективные природные (географические, климатические, экологические и т. п.) условия общественного бытия

Сфера объективной детерминации

В связи с анализом проблемы социального детерминизма и свободы личности особый интерес представляет структура детерминации на уровне VI, где собственно и проявляется во всей полноте и противоречивости единство и борьба противоположностей между личной свободой и социальной необходимостью.

В современной буржуазной философии, безотносительно от ее направлений, марксистский тезис о единстве свободы и социальной необходимости подвергается единодушному отрицанию.

Так, общим для всего экзистенциализма является положение К. Ясперса: «Я мыслю свободу как начало без причин» [16, с. 5]. В полном соответствии с утверждением Фрейда, что свобода индивида была максимальной до всякой культуры, а в результате прогресса цивилизации подверглась ограничению [7, с. 27], неофрейдист Р. Мэй заявляет: «Свобода никогда не может происходить от необходимости, бога, науки или чего-нибудь в этом роде» [33, с. 269]. Представитель сциентистского направления, много сделавший для становления неопозитивизма, Б. Рассел полагал, что «понятие необходимости, которое слишком часто ассоциируется с детерминизмом, есть слишком туманное (confused) понятие, незаконно дедуцируемое из детерминизма» [35, с. 197]. Действительно, буржуазное обществоведение не знает строгого детерминизма, но отсюда вовсе не следует принципиальная невозможность его наличия в другом, подлинно научном марксистском обществоведении. Как и любой другой сторонник эмпиризма, Рассел сам склонен к туманным рассуждениям, ссылаясь на «природу людей вообще». В его «Дорогах к свободе» читаем: «Уважение к свободе других не является природным импульсом большинства людей — ненависть и любовь к власти заставляют обычного человека находить удовольствие в создании помех для жизни других людей» [36, с. 94]. Как видим, нежелание принять марксистское объяснение социального прогресса свободы заставило даже такого

крупного мыслителя, как Рассел, обращаться к аргументам, больше напоминающим доктрины Гоббса и даже Макиавелли, чем концепцию современного гуманиста, каковым Рассел считается на Западе.

Другой весьма популярный на Западе философ, К. Поппер, отстаивая индетерминистические взгляды, еще в 40-е годы утверждал: «Будущее зависит от нас самих, а мы не зависим ни от какой исторической причинности» [27, с. 37]. Идея индетерминизма столь прочно овладела им, что и в своей новой работе он подчеркивает: «Метафизический принцип универсальной причинности есть то, во что я не верю» [34, с. 79]. Саму идею причинного объяснения он высокомерно трактует как «детерминистический кошмар» [23, с. 511]. Но объективное наличие причинной связи требует вовсе не веры, а кропотливого исследования фактов, что следовало бы знать апостолу «новой рациональности».

Субъективизм в понимании свободы и нигилизм по отношению к исторической необходимости пронизывают взгляды и более умеренных «рационалистов» наших дней. Например, И. Берлин, бывший президент Британской академии, пишет: «Человек свободен в той степени, в какой он знает истинное объяснение своих намерений и мотивов» [32, с. 175]. Если принять такое определение за истинное, то придется признать максимально свободным и человека, противодействующего социальной и природной необходимости, но знающего мотивы своего поведения. Мотивация в таком понимании носит не объективный, а субъективный характер, благодаря которому определение свободы приобретает идеалистическое содержание. Мотивационный идеализм академического толка, свойственный взглядам Берлина, смыкается с грубой, циничной апологетикой пренебрежения свободой и достоинством человека в «поведенческой инженерии» Б. Ф. Скиннера, суть которой ее автор выражает так: «Ошибочно полагать, что проблема заключается в том, как освободить людей. Она состоит в том, как улучшить контроль над ними» [17, с. 62]. Скиннер откровенно указывает адресат, против которого направлены его приемы манипулирования сознанием и волей — это рабочие, «цветные», молодежь, т. е. все те, кто больше всех страдает и чаще выступает против гнета капитала. Таким образом, становится достаточно прозрачной реакционная суть новейших буржуазных концепций индетерминизма и мотивационного квазидетерминизма.

Основной методологический порок этих новейших буржуазных концепций заключается в том, что в них детерминизм понимается в его узкой, лапласовской трактовке, которую буржуазные идеологи тщетно пытаются приписать марксизму.

Узкая «лапласовская» трактовка детерминизма предполагает, что существует только асимметричная, линейно упорядоченная и однозначная зависимость между уровнями детерми-

нации, причем так или иначе высшие уровни могут быть сведены к низшим. Как известно, на подобном допущении основывались все позитивистские версии объяснения социальной реальности [12]. Позитивисты в социологии игнорируют факт относительной самостоятельности деятельности человека, преобразующего материальную действительность в соответствии со всеми потребностями и целями. Однако, как отмечает В. А. Крайченко, «забвение того момента, что целевое выражает не только отношение человека к миру, его стремление, но и степень приспособленности мира к человеческим потребностям, интересам, целям, приводит к субъективизации целеполагания. В свою очередь, недооценка субъективного отношения к миру, субъективно-деятельностного аспекта целеполагания может привести к «обесчеловечиванию» целеполагания, к его онтологизации» [8, с. 176]. Это верное замечание, к сожалению, относится и ко взглядам некоторых советских авторов.

Обратимся к конкретному примеру. Из того, что в ряде пунктов анализа социального детерминизма мы должны учитывать наличие асимметрии причинных природных связей, нередко делается вывод об универсальной асимметрии социальных причинных связей. К подобному выводу приходит В. Я. Перминов, который усматривает основание асимметрии социальной причинности в фундаментальной онтологической характеристике — необратимости времени. Он утверждает: «то, что в человеческой деятельности является универсальным, т. е. необходимым в любом случае, для любого субъекта, не может быть уже объяснено как проистекающее от субъекта, но необходимо должно быть понято как универсальная характеристика самой действительности» [19, с. 19—20]. В эту универсальную характеристику, на наш взгляд, необходимым образом должна входить и идеальная деятельность целеполагания и планирование будущей деятельности, детерминирующей, наряду с результатами деятельности и опыта в прошлом, настоящее. Как отмечает А. И. Яценко, «цели представляют собой особый ряд причин — идеальных причин человеческой деятельности» [31, с. 83]. Между тем В. Я. Перминов, по-видимому, считает признание этого обстоятельства чем-то родственным идеалистической философии и отказывает ему в праве на достоверность, тем самым фактически отрицая научно обоснованную П. К. Анохиным и Н. А. Бернштейном концепцию опережающего отражения и относительной детерминации идеальным материального. Так, В. Я. Перминов пишет: «Предполагая будущее как причину настоящего, мы предполагаем акт детерминации материального посредством идеального (несуществующего). Такое представление противоречит нашим элементарным представлениям о деятельности, и хотя оно не имеет в себе внутреннего логического противоречия, т. е. не предопределяет аналитической истинности противоположного тезиса, оно тем не менее делает этот

тезис единственно приемлемым. Все человеческое знание сориентировано на деятельность, и мы не можем принять представлений о мире, противоречащих универсально значимым ее моментам» [19, с. 20]. Но дело в том, что скачкообразный переход от материального к идеальному, от предметной практической деятельности к деятельности сознания невозможно понять, если не считаться с диалектическим единством и противоречивостью их взаимосвязи. Достаточно сослаться на пример классического сопоставления Марксом инстинктивной деятельности пчелы и сознательной деятельности архитектора, чтобы убедиться в недооценке В. Я. Перминовым важнейшего положения материалистической диалектики. То, что с точки зрения формальной логики представляется необъяснимым — в данном случае, каким образом будущее может детерминировать настоящее, с точки зрения логики диалектической имеет глубоко аргументированное и практически подтвержденное объяснение. «Социальные идеалы прогрессивных классов, выражая их важнейшие перспективные цели, выводимые в конечном счете из объективных тенденций общественного развития, выполняют связующую функцию между настоящим и будущим», — подчеркивает Н. А. Печенев [20, с. 35]. Именно будущее — и в случае планомерной постройки дома, и в случае грандиозного переустройства общества из капиталистического в социалистическое, а затем в коммунистическое — властно вторгается в настоящее и детерминирует его. Ленинские слова: «Сознание человека не только отражает объективный мир, но и творит его» [2, с. 194] не следует забывать, рассуждая о человеческой деятельности. Анализ человеческой деятельности — это прежде всего анализ субъективного фактора. Важнейшим его компонентом является идеальное, **субъективная реальность**, существование которой вторично по отношению к **реальности объективной**, чего не имеет права отрицать марксист. В. И. Ленин подчеркивал: «и противоположность материи и сознания имеет абсолютное значение только в пределах основного гносеологического вопроса о том, что признать первичным и что вторичным» [2, т. 18, с. 151]. Поэтому абсолютизировать эту противоположность и не учитывать момент единства материального и идеального, как это делает В. Я. Перминов, крайне неверно. В противном случае роль субъективного фактора в истории общества станет совершенно непонятной.

Между тем именно субъективный фактор, в котором по мере приближения человечества к социализму нарастает степень сознательного воздействия на объективные условия общественного бытия, в соответствии с социальным идеалом обладает высокой значимостью не только как исторический, политико-социальный, но и как экологический и даже космический фактор [26, с. 302—338]. Более того, как верно считает Е. Е. Бекетова, в условиях социализма появляется качественно новый

тип субъективного фактора, характеризующийся высокой степенью сознательности масс, планомерностью и предвидением последствий деятельности [6, с. 36—37]. Сознательность и позволяет говорить о принципиально отличной форме причинности и детерминизма в обществе в целом и в социалистическом обществе.

Как и всякие другие процессы, деятельность человека представляет собой единство противоположностей. В интересующем нас отношении это единство противоположностей детерминации и самодетерминации, социально-исторической необходимости и свободы личности. В связи с этим философ из ГДР Г. Штилер пишет, что по сути необходимо учитывать двойную детерминационную взаимосвязь. Дело в том, что действующий субъект должен адекватно воспринимать объективные факторы, законы и условия общественного развития и строить свои действия в соответствии с ними. Поэтому относительная самодетерминация субъекта является в сущности особой формой детерминированности субъекта всей совокупностью объективных общественных отношений [9, с. 343]. Такая точка зрения вовсе не исключает свободной самодетерминации, в противном случае вопрос о свободе или несвободе вообще не имел бы смысла, так как свобода означала бы замкнутую причинную цепь, которая не отражала бы творческого момента в деятельности. Г. Штилер формулирует правильный диалектический вывод: «В понятие свободы... входит не только отношение действующего субъекта к объекту, на который направлены его действия, ... но и детерминирующие предпосылки, которые ведут от объективных и субъективных условий к действию» [Там же, с. 343—344].

Аналогичная аргументация представлена и в ряде работ советских авторов, основывающихся на положении, высказанном К. Марксом, что человек «свободен не вследствие отрицательной силы избегать того или другого, а вследствие положительной силы проявлять свою истинную индивидуальность» [2, т. 2, с. 145]. Так, А. Г. Мысливченко различает следующие факторы внутренней свободы: 1) познание возможности поступать так или иначе в рамках объективной необходимости; 2) сопоставление индивидом познанный объективной необходимости со своими убеждениями, совестью, личными интересами, т. е. перевод необходимости во внутренний, субъективный план; 3) проявление воли (выбор и принятие решения); 4) стремление к самоосуществлению себя как личности в объективном мире [Там же, с. 255].

Критикуя позиции Хайдеггера и Сартра, игнорирующих первый и второй из перечисленных факторов и гипертрофирующих значение выбора и роли волевого компонента в структуре личностных параметров, А. Г. Мысливченко опирается на положение Маркса, что каждый индивид «вынужден выбирать все же всегда только между определенными вещами, входящими в круг

его жизни» [1, т. 3, с. 304]. Поэтому спонтанный, неизвестно на чем основанный выбор не может быть и проявлением свободной воли. Ведь философское значение воли заключается в том, что с ее помощью человек не только склоняется к выбору той либо иной альтернативы, но и оказывается способен реализовать свое решение. Однако если это решение не соответствует объективным законам природы и общества, оно либо вообще не сможет осуществляться в действии, либо приведет к гибели субъекта, осуществляющего наперекор объективным законам действие, основанное на неверном выборе и неверном решении. Допуская беспредпосылочную свободу выбора, экзистенциалисты тем самым допускают и бесконечное множество возможностей самоутраты субъекта в акте произвола.

Если на рубеже 60-х и 70-х годов большинство марксистских исследователей обращало внимание преимущественно на проблему структуры внутренней свободы личности, на взаимосвязь социальной детерминации и самодетерминации личности, то начиная с работ Е. А. Якубы [30], А. Г. Спиркина [25] и А. Ф. Плахотного [21, 22], основной акцент делается на выяснении диалектики свободы и ответственности личности. При этом каждый из названных авторов уделил значительное место анализу свободы воли. Так, А. Г. Спиркин, в отличие от некоторых авторов, отрицавших правомерность самой постановки вопроса о свободе воли в марксистской философии, показал, что свобода воли является неотъемлемым и существенным определением сознания личности [25, с. 277]. Следует отметить, что аргументация А. Г. Спиркина является скорее психологической, чем философско-социологической. Свобода воли связывается им с борьбой мотивов, с доминированием и победой одного из них [Там же, с. 284]. Соответственно и диалектическая противоположность свободы — ответственность — связывалась с процессами торможения, открытыми И. П. Павловым [Там же, с. 298]. Аргументация А. Г. Спиркина была безупречной и с точки зрения логики — он утверждал, что, с одной стороны, свобода воли и ответственность представляют собой полярные противоположности, с другой — что свобода воли сама есть компонент ответственности. Представляется, что действительная диалектика ответственности и свободы воли несет более опосредованный характер. Как всякие диалектические противоположности, свобода воли и ответственность детерминируют друг друга, будучи не просто сторонами противоречия в человеческой деятельности, а сторонами свободы этой деятельности в рамках социальной необходимости.

Плодотворный подход к проблеме был развит Е. А. Якубой и А. Ф. Плахотным, разработавшими оригинальные трактовки соотношения социального детерминизма и свободы воли. Е. А. Якуба впервые обратила внимание на то обстоятельство, что свобода воли личности не только обусловлена достигнутым

уровнем социальной свободы, но и, в свою очередь, непрерывно воздействует на нее [30, с. 143]. В отличие от А. Г. Мысливченко она подчеркнула, что свобода воли не исчерпывается свободой выбора и по существу совпадает с внутренней свободой [Там же, с. 143—144, с. 16, с. 250].

В ее понимании свобода воли есть средство выхода за рамки наличных условий, средство творческой самореализации личности и в конечном счете — одно из важнейших проявлений социального творчества [Там же, с. 148]. Это никоим образом не означает, что сама воля содержит нечто вообще недетерминированное. Речь идет о том, что сама детерминация воли носит весьма сложный, опосредованный характер. Как отмечал С. Л. Рубинштейн, «волевое действие не менее детерминировано и закономерно, чем произвольное, инстинктивное, рефлекторное, но закономерность и детерминированность его иная. Из непосредственной она становится опосредованной. Волевое действие опосредуется сознанием личности» [24, с. 509]. Развивая это положение, мы можем сказать, что объективная закономерность, познания субъектом, наделяется им личностным смыслом (по терминологии А. Н. Леонтьева) [13]. Сам этот личностный смысл, наслаиваясь на социально-культурные модели отображения объективного закона в общественном сознании, представляет собой (в том случае, если он является позитивным расширением этой модели) выражение свободной воли личности. В таком понимании свобода воли есть степень индивидуального постижения объективной закономерности и расширения предоставленных личности возможностей самореализации. Этот вывод вполне согласуется с пониманием ответственности в работе Е. А. Якубы: «Ответственность — это умение пользоваться свободой воли» [30, с. 151]. Таким образом, противоположность свободы воли и ответственности не исключает, а предполагает их единство.

В русле намеченного Е. А. Якубой подхода предложенное ею решение рассматриваемой проблемы было развито А. Ф. Плахотным, особо акцентировавшего активно избирательный аспект свободы. «Свободное, сознательное поведение детерминировано прежде всего содержанием сознания данного человека, которое само, в свою очередь, предопределено теми социальными условиями, в которых человек воспитывался. Свобода воли выступает как активно избирательное отношение человека к действительности, адекватное его внутренней сущности» [22, с. 69]. Благодаря этому появляется возможность рассматривать свободу воли как специфический регулятивный механизм деятельности человека, определяющей меру социализированности его личности, а следовательно, и меру его ответственности. Этот плодотворный вывод служит А. Ф. Плахотному для комплексного исследования системы личной, коллективной, классовой ответственности, социальной дисциплины

и авторитета общества в восприятии личности В свою очередь, диалектический синтез свободы воли и ответственности позволяет выйти на уровень анализа социально-политической ответственности личности перед обществом, гражданина — перед социалистическим государством. Анализ свободы воли и ответственности в силу этого приобретает важный мировоззренческий и политический смысл. Ведь объективная тенденция общественно политического развития советского народа и заключается в формировании единства прав и обязанностей, свободы и ответственности личности перед обществом.

Список литературы: 1. Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. 2. Ленин В. И. Полн. собр. соч. 3. Аюбян Г. С. Проблема соотношения деятельности и свободы в философском познании человека: Автореф. дис. ... канд. филос. наук. Ростов-н/Д, 1979. 26 с. 4. Аникеева С. И. Принцип детерминизма как элемент методологии социального действия: Автореф. дис. ... канд. филос. наук. Саратов, 1979. 16 с. 5. Аскин Я. Ф. Обобщенное понятие детерминизма. — В кн.: Принцип детерминизма. Саратов, 1983. с. 3—10. 6. Бекетова Е. Е. К вопросу о возрастании роли субъективного фактора в условиях развития социализма. — Вестн. МГУ. Сер. 7. Философия. 1981, № 5, с. 33—38. 7. Бурова Т. А. Объективная закономерность и свободная деятельность людей (критика концепций свободы прагматизма и неофрейдизма). М., 1970. 44 с. 8. Диалектика социального познания и революционного действия. М., 1981. 318 с. 9. Категории исторического материализма. М., 1980. 351 с. 10. Кедоров Б. М. О детерминизме. — Филос. науки, 1968, № 1, с. 42. 11. Келле В. Ж. Соотношение детерминизма и системности в методологии социального познания. — Вопр. филос., 1983, № 6, с. 49—57. 12. Кон И. С. Позитивизм в социологии. Л., 1964. 207 с. 13. Леонтьев А. Н. Деятельность. Сознание. Личность. М., 1975. 304 с. 14. Мысливченко А. Г. О внутренней свободе человека. — В кн.: Проблема человека в современной философии. М., 1966, с. 248—268. 15. Мысливченко А. Г. Человек как предмет философского познания. М., 1972. 190 с. 16. Назаров А. В. Свобода выбора и моральная ответственность: Автореф. дис. ... канд. филос. наук. К., 1972. 24 с. 17. Наэм Дж. Психология и психиатрия в США. М., 1984. 300 с. 18. Парнюк М. А. Детерминизм диалектического материализма. К., 1967. 259 с. 19. Перминов В. Я. Асимметрия причинной связи и необратимость времени. — Вестн. МГУ. Сер. 7. Философия. 1980, № 3, с. 18—27. 20. Печенев В. А. Социалистический идеал и реальный социализм. М., 1984. 367 с. 21. Плахотный А. Ф. Свобода и ответственность. Х., 1972. 159 с. 22. Плахотный А. Ф. Проблема социальной ответственности. Х., 1981. 191 с. 23. Поппер К. Логика и рост научного знания. М., 1983. 606 с. 24. Рубинштейн С. Л. Основы общей психологии. М., 1946. 703 с. 25. Спиркин А. Г. Сознание и самосознание. М., 1972. 303 с. 26. Фролов И. Т. Перспективы человека. М., 1983. 350 с. 27. Черненко А. К. Причинность в истории. М., 1984. 204 с. 28. Шлыков В. М. Вероятностная детерминация и ее объективное основание: Автореф. дис. ... канд. филос. наук. М., 1979. 17 с. 29. Шербина А. И. Специфика социального детерминизма. М., 1982. 23 с. 30. Якуба Е. А. Право и нравственность как регуляторы общественных отношений при социализме. Х., 1970. 208 с. 31. Яценко А. И. Целеполагание и идеалы. К., 1977. 275 с. 32. Berlin I. Concepts and Categories. N. Y., 1979. 202 p. 33. May R. Love and Will. L.; Glasgow, 1969. 352 p. 34. Popper K. R. Realism and the Aim of Science. L., 1983. 423 p. 35. Russel B. A. Free Man's Worship. L., 1976. 224 p. 36. Russel B. Roads to Freedom. L., 1977. 158 p.

Поступила в редколлегию 12.02.85.

СИСТЕМА СОЦИАЛЬНЫХ НОРМ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА

Решение задач ускорения социально-экономического развития страны вызывает необходимость повышения социальной ответственности всех субъектов общественных отношений. В Политическом докладе ЦК КПСС XXVII съезду партии подчеркнуто: «Продвижение вперед станет тем быстрее, чем выше будут дисциплина и организованность, ответственность каждого за порученную работу, за ее результаты» [3, с. 4].

По определению А. Ф. Плахотного, «социальная ответственность есть категория для обозначения меры свободного проявления социальным субъектом своей обязанности и права избрать в конкретных условиях оптимальный вариант отношения к действительности, исходя из прогрессивных интересов общества» [6, с. 8]. Ответственность в условиях социализма носит всеобщий, целостный характер, обусловленный общественной формой собственности на средства производства, экономическими, социально-политическими и духовными основами единства и целостности социальной системы. Огромное значение социальной ответственности в жизнедеятельности социалистического общества и его управлении предопределяет ее проявление в качестве закона возрастания социальной ответственности, который означает превращение исторической необходимости в потребность для каждого субъекта социальных отношений свободно избирать оптимальный вариант поведения и деятельности в интересах прогрессивного развития общества, что является средством (условием) решения социальных задач социализма.

Возрастание социальной ответственности представляет собой общесоциологический закон социализма, так как выражает всеобщие, существенные и необходимые связи общества как целостного социального организма [7, с. 131]. Ответственные зависимости пронизывают всю структуру общества как по вертикали (общество—класс—коллектив—личность), так и по горизонтали (экономика, политика, право, мораль, эстетика).

Социальная ответственность — форма взаимосвязи, которая объединяет, интегрирует общественные отношения в единую целостную систему, что позволяет определить ее как всеобщий социальный принцип. «Принцип — общее требование к системе, осуществление которого объединяет различные элементы в одну структурную организацию, интегрирует различные процессы в одну основную тенденцию развития» [4, с. 88].

В регулировании общественных отношений, выступающих в качестве компонентов (подсистем) социальной системы, принцип социальной ответственности, обогащаясь конкретным содержанием, принимает специфическую форму экономических, поли-

тических, правовых и других подсистемных принципов. В экономических отношениях таким принципом, отражающим ответственные зависимости, является, например, принцип распределения по труду. Социалистическое общество выдвигает требование всеобщности труда, устанавливает контроль над мерой труда и мерой потребления, что представляет собой охватывание субъектом управления — обществом — каждого члена общества экономическими ответственными зависимостями. Принцип распределения по труду как специфическая подсистемная модификация принципа социальной ответственности взаимосвязан с другими подсистемными принципами (например, с политическим принципом партийности, с правовым принципом охраны и приумножения социалистической собственности). Многие подсистемные принципы «работают» одновременно в нескольких сферах (подсистемах). Одним из таких универсальных принципов является принцип пролетарского интернационализма, который провозглашает равенство трудящихся различных наций и народностей. Он регулирует деятельность субъектов в политической, правовой, нравственной, эстетической сферах.

Е. М. Пеньков считает, что социальные идеалы и принципы «...формируют только основные цели и средства общественного развития, не персонифицируя их до типических конкретных ситуаций. Самое же главное — идеалы и принципы никогда не содержат конкретных средств социальной оценки и контроля за их реализацией в соответствующих социальных действиях людей, в общественных отношениях» [5, с. 53]. Система управления обществом не ограничивается подсистемными принципами как регуляторами общественных отношений в силу их недостаточной конкретизации требований поведения и деятельности личности. Средством, позволяющим более детально регламентировать и оценивать поведение всех субъектов общественных отношений, является система социальных норм, которая отражает и переводит на уровень практической деятельности требования подсистемных социальных принципов. «Социальная норма — это требование, предъявляемое ко всем членам общества или к отдельным группам людей, осуществлять в определенных условиях действия установленного типа, образца» [4, с. 81]. Социальная норма является неделимым структурным компонентом социальной ответственности как системы. Принцип социальной ответственности имеет сложную структуру «сети» взаимоперекрещивающихся и взаимопроникающих ответственных зависимостей, которые характеризуются отношениями координации и субординации. Социальные ответственные зависимости «замирают», порождая подсистемные принципы, которые в своей структуре содержат множество фиксированных (более-менее жестко, в зависимости от специфики подсистемы) требований — социальных норм.

Принцип социальной ответственности, подсистемные принципы и нормы представляют собой диалектическое единство всеобщего, особенного и единичного. В. И. Ленин писал: «Всякое общее есть (частичка или сторона или сущность) отдельного. Всякое общее лишь приблизительно охватывает все отдельные предметы» [2, т. 29, с. 318]. Социальная ответственность как всеобщее существует в отдельных конкретных нормах. Ответственная сущность характерна для всех норм, однако она не имеет всех признаков каждой конкретной нормы. Норма как единичное содержит в себе требование социальной ответственности как свою основу, сущность, но имеет еще и свои конкретные признаки, т. е. по своему содержанию любая норма богаче принципа социальной ответственности. Принцип социальной ответственности есть общее требование ко всем субъектам действовать в интересах прогрессивного развития общества. Подсистемные принципы конкретизируют это требование до уровня ответственной деятельности в определенной сфере жизнедеятельности. Нормы указывают конкретно, какие действия должен совершать (или не совершать) субъект в определенных условиях.

Общее и единичное не существует раздельно, они неразрывно связаны между собой. В любом объекте содержится и общее, и единичное. В рассматриваемой системе ответственности подсистемные принципы являются опосредующим, промежуточным звеном между всеобщим (принципом социальной ответственности) и единичным (нормами), что обуславливает их проявление как особенного. Особенное относительно, ибо выступает как общее по отношению к единичному (норме) и как единичное по отношению к более общему (принципу социальной ответственности). Единство, взаимосвязь категорий всеобщего, особенного и единичного отражают различные стороны и формы проявления социальной ответственности во всех сферах жизнедеятельности общества, коллектива, личности.

Исследуя проблемы социального управления и регулирования, советские философы предлагают различные классификации систем социальных норм. Например, Е. А. Якуба считает, что такая система включает следующие нормы: правовые, моральные, элементарные нормы общежития, нормы общественных организаций и коллективов [8, с. 76]. В классификации же Е. М. Пенькова система норм состоит из правовых, моральных, социалистических обычаев, традиций и норм общественных организаций [5, с. 148]. В. И. Куценко предлагает более широкую классификацию системы норм: производственные, экономические, нормы жизнедеятельности государственных и общественных организаций, организационные, правовые, моральные, религиозные, художественные, эстетические, научные, нормы потребления [4, с. 86].

Ни одна из систем не выделяет в качестве классификационного признака объективные ответственные зависимости и взаимосвязи, пронизывающие все структурные компоненты общества. А ведь генетически социальная ответственность как требование согласования поведения индивида в соответствии с потребностями социального целого предшествует созданию конкретных требований в виде норм. Социальная ответственность возникает в период становления человеческого общества и носит примитивно-коллективный характер в силу неразвитости общественных отношений и самих субъектов этих отношений. Деятельность человека в этих условиях еще не дифференцирована и, как указывает А. Ф. Плахотный, «сознание каждого члена человеческого сообщества тесно связано с коллективным сознанием и, соединившись с ним, не противопоставляет себя ему: в нем господствует непрерывное ощущение сопричастности. Любое действие индивида является проявлением коллективного действия» [6, с. 11—12]. В процессе антропосоциогенеза при возникновении способности осознавать необходимые, повторяющиеся общественные связи в коллективе индивиды смогли расчлениить и выделить из непрерывных ответственных зависимостей дискретные меры ответственности — нормы. Эти примитивные нормы выступали в форме табу, магий и т. п. [6, с. 12] и отличались преимущественно запрещающим характером. Понадобились тысячелетия для того, чтобы человек смог отразить в сознании более общие понятия — принципы (для этого необходим достаточно высокий уровень развития абстрактного мышления) и руководствоваться ими в социальной практике.

Система социальной ответственности есть диалектическое единство необходимости и свободы, мера их соотношения, зависящая от конкретно-исторических условий функционирования и развития общества, так как ответственные взаимосвязи всегда являются отражением степени развитости общественных отношений и прежде всего материальных, производственных отношений. С прогрессом общества, с переходом его «из царства необходимости в царство свободы» [1, т. 20, с. 295] претерпевает коренные изменения и мера необходимости — свободы поведения и деятельности людей, т. е. вся система социальной ответственности. Субъект нормотворчества обязан учитывать эти изменения и приводить всю систему в соответствие с потребностями общественного развития. Быстрее всего устаревают нормы как единичное проявление меры необходимости — свободы, причем, чем жестче норма, чем четче фиксированы ее требования и указаны рамки ответственной деятельности («ареал» свободы в пространстве необходимости), тем быстрее норма устаревает и становится тормозом развития общественных отношений. Нормы, которые перестали адекватно отражать требования объективных ответственных зависимостей, должны быть заменены новыми.

В целях согласования деятельности всех субъектов общественных отношений, управления и регулирования социальным организмом необходимо создание такой системы норм, которая в своих требованиях сможет отразить все богатство ответственных взаимосвязей в социалистическом обществе. Система социальных норм порождается объективными ответственными зависимостями в основных сферах жизнедеятельности. При рассмотрении структуры общества по горизонтали выделяются экономические, политические, правовые, моральные и эстетические ответственные зависимости и соответствующие им виды норм. В вертикальном срезе общество—класс—коллектив—личность — выделяются нормы социалистического общежития, общественных организаций и коллективов. Таким образом, система социальных норм социалистического общества в своей структуре содержит следующие виды норм: экономические, политические, правовые, моральные, эстетические, социалистического общежития, общественных организаций и коллективов.

Список литературы: 1. Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. 2. Ленин В. И. Полн. собр. соч. 3. Политический доклад Центрального Комитета КПСС XXVII съезду Коммунистической партии Советского Союза. — Правда, 1986, 26 февр. 4. Куценко В. И. Социальная задача как категория исторического материализма. К., 1972. 371 с. 5. Пеньков Е. М. Социальные нормы — регуляторы поведения личности. Некоторые вопросы методологии и теории. М., 1972. 198 с. 6. Плахотный А. Ф. Проблема социальной ответственности. Х., 1981. 192 с. 7. Уледов А. К. Социологические законы. М., 1975. 296 с. 8. Якуба Е. А. Право и нравственность как регуляторы общественных отношений. Х., 1970. 208 с.

Поступила в редколлегию 03.02.85.

С. А. ЗАВЕТНЫЙ

ИДЕОЛОГИЧЕСКИЙ ФАКТОР КАК УСЛОВИЕ ФОРМИРОВАНИЯ СОЦИАЛЬНОЙ АКТИВНОСТИ ЛИЧНОСТИ, СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА

Задачи коммунистического строительства в большой степени определяются уровнем социальной активности, сознания, инициативы и творчества советских людей.

Всестороннее обоснование возрастания роли социальной активности трудящихся в совершенствовании социалистического общества получило свое освещение в материалах XXVII съезда КПСС.

Идейно-теоретической и пропагандистской работе партия придает особое значение, рассматривая ее как важный фактор формирования, развития сознания масс, повышения социальной активности советских людей, воспитания их в духе патриотизма

и пролетарского интернационализма, как действенное средство оперативного, всестороннего и убедительного информирования трудящихся по вопросам политики партии, как канал «обратной связи» с массами.

Решение задач коммунистического строительства предполагает исследование взаимодействия объективного и субъективного в общественной жизни, совокупности всех условий, определяющих степень воспитательного влияния идеологии.

Взаимосвязь объективных и субъективных факторов с точки зрения воздействия на сознание людей, их социальную активность, социальное поведение носит диалектический характер и не лишена противоречий. «Мы справедливо говорим об идеологическом обеспечении экономической работы. Но не меньшее, если не большее значение имеет экономическое или шире — социальное обеспечение идеологической работы. Ведь всякого рода беспорядок, бесхозяйственность, нарушение закона, стяжательство, мздоимство обесценивают работу тысяч агитаторов и пропагандистов» [4, с. 6].

Отсутствие необходимой идеологической, воспитательной работы при быстром росте материальных благ порождает у некоторых людей стремление к обогащению, «вещизму», пренебрежение к общественным интересам.

Поэтому КПСС видит свою задачу в том, чтобы рост материальных возможностей постоянно сопровождался повышением идейно-нравственного и культурного уровня людей, придает большое значение более полному и глубокому освоению трудящимися массами богатств духовной и материальной культуры.

В период совершенствования социализма, когда происходит значительное улучшение и выравнивание материального благосостояния советских людей, усиление однородности советского общества, соединение умственного и физического труда, стирание различий между городом и деревней, идейно-политические факторы оказывают все более значительное влияние на развитие личности: «Если материальные потребности людей имеют сравнительно определенную границу, которая постепенно достигается, то духовные запросы и интересы людей постоянно расширяются, углубляются, становятся более интенсивными» [8, с. 13].

Усиление влияния идейно-политических факторов на социальную активность трудящихся определяется также рядом других обстоятельств, среди которых — развитие теории идеологической работы, накопление опыта ее проведения, улучшение качественного состава идеологических работников. Большие возможности возрастания значения этих факторов содержатся в специфике их воздействия на внутренний мир человека. Как показали социологические исследования, проведенные коллективом ученых среди населения Урала, «эффективность процесса развития общественно-политической активности трудящихся

стоит в прямой зависимости от уровня, методов и стиля целенаправленной работы партийных и общественных организаций» [6, с. 173].

Многие средства идеологической работы воздействуют на повышение трудовой и общественно-политической активности трудящихся путем формирования благоприятной нравственно-психологической атмосферы в коллективе, усиления морально-политического единства советского народа.

Для улучшения идеологической работы важное значение приобретает анализ всей системы идеологического воздействия отдельных ее форм и средств, в результате которого выявляются их специфика, возможности и условия эффективного развития и функционирования.

Все большее внимание уделяется лекционной пропаганде, которая превратилась в действенный фактор формирования научного мировоззрения, активной жизненной позиции, высоких идейно-политических и нравственных качеств советских людей.

Социологические исследования деятельности лекционной пропаганды свидетельствуют об ее эффективности в формировании социальной активности трудящихся.

В частности, исследования, проведенные в Молдавии дважды в 1975—1980 гг. сектором социологических исследований АН Молдавской ССР, показали следующее: «77 % опрошенных считают, что лекции помогают им в труде, жизни и учебе. А рост их социальной активности главным образом выражается в более заинтересованном участии в решении важнейших вопросов жизнедеятельности своих коллективов» [6, с. 78].

Социологи, исследовавшие данный вопрос в Челябинской области (1970 и 1980 гг.), утверждают, что «лекционная пропаганда все более выполняет функцию системы непрерывного образования» [5, с. 83].

Значение лекционной пропаганды, место и роль ее в механизме формирования социальной активности личности в значительной мере определяются теми функциями, которыми она потенциально обладает. Лекция выступает одновременно как источник знания, как средство убеждения, как побудитель действия.

Это в значительной мере связано с возможностями органического соединения в лекции идейно-теоретического и социально-психологического уровней общественного сознания, оперативного изменения соотношения между ними, возможностями целенаправленного воздействия на массы с учетом общего и особенного в характеристике той или иной социальной группы, трудового коллектива. Отсюда видно, что лекционная пропаганда более конкретно воздействует на аудиторию.

Значение лекционной пропаганды особенно заметно в сравнении с другими средствами идеологического воздействия.

Как показали социологические исследования, проведенные в 1979 г. правлением областной организации общества «Знание» и Орджоникидзевским РК Компартии Украины на крупнейших заводах Орджоникидзевского района г. Харькова, лекция как вид массовой пропаганды занимает лишь четвертое место, уступая телевидению, прессе и радио, однако является активным средством воздействия на слушателей каждой из перечисленных форм пропаганды. На заводах рабочие-станочники условно были разбиты на 4 группы: слушатели лекции, телезрители, радиослушатели, подписчики газет и журналов. Затем эти группы сравнивали по результатам труда и квалификации. В результате сравнения выявлено, что в группе, где рабочие более активно посещали лекции, выше средний процент выполнения норм выработки и средний квалификационный разряд.

В лекции также органически соединены возможности политического просвещения, информации и агитации, что выдвигает ее в ряд лучших средств осуществления основных функций идеологической работы.

Нельзя не учитывать и того обстоятельства, что лекция как вид ораторского искусства служит удовлетворению эстетических потребностей человека.

В зависимости от условий лекционная пропаганда в большей или меньшей степени может быть подчинена реализации одной из ее функций — познавательной, идейно-воспитательной, социально-мобилизующей.

Естественно, требуется обеспечение соответствующих условий, которые определяют эффективность решения поставленной задачи.

Именно эту цель преследовал проведенный в 1983 г. по решению директивных органов в Харьковской области эксперимент по перестройке лекционной пропаганды.

В ходе его проведения решены следующие проблемы.

Введено годовое планирование лекций, исходя из специфики и задач первичного коллектива. Посредством тематики планируемых лекций удалось обеспечить нужную реализацию функций лекционной пропаганды.

Созданы условия для привлечения к чтению лекций наиболее квалифицированных лекторов. В результате — лекторы областного и районного звеньев читают около 65 % всего объема лекций (до перестройки — 23 %).

Значительно улучшены организационные условия проведения лекций в результате создания института организаторов лекционной пропаганды, установления единых дней чтения лекций, укрепления материально-технической базы. Как показали социологические исследования, проведенные кафедрой социологии Киевского университета и правлением областной организации общества «Знание», подавляющее большинство секретарей партийных организаций, руководителей трудовых коллективов

отметило, что усилилось положительное влияние лекционной пропаганды на повышение эффективности производства (76,2 и 60,9 %), укрепление дисциплины труда (73,8 и 82,6 %), в целом — на идейно-воспитательную работу (90,5 и 87 %).

Вместе с тем перестройка лекционной пропаганды выдвинула ряд проблем, связанных с повышением качества лекций, разработки методов точной оценки ее достоинств и недостатков, внедрения новых, более прогрессивных форм повышения квалификации лекторов.

Основанием для разработки критериев эффективности лекции как идеологического фактора, поиска путей совершенствования лекционной пропаганды в значительной мере могут служить названные нами особенности лекционной пропаганды как функционального характера, так и собственно ее содержания, структуры.

Список литературы: 1. *Политический доклад* Центрального Комитета КПСС XXVII съезду Коммунистической партии Советского Союза. — Правда, 1986, 26 февр. 2. *Программа* Коммунистической партии Советского Союза. — Правда, 1986, 7 марта. 3. Материалы Пленума Центрального Комитета КПСС, 14—15 июня 1983 года. М., 1983. 80 с. 4. *Выступление* Ю. В. Андропова 15 августа перед ветеранами партии. — Коммунист, 1983, № 13, с. 4—8. 5. *Завтур А. А., Тимуш А. И.* Слушатель и лектор: обратная связь. М., 1984. 92 с. 6. *Мехонцев Н. И., Михайлов Н. Н., Ненашев М. Ф.* Слушатель в аудитории. М., 1983. 95 с. 7. *Общественно-политическая активность трудящихся.* Свердловск, 1972. 183 с. 8. *Михайлов С.* Практика, теория, идеологическая работа партии. — В кн.: Совершенствование руководства идеологической работой. София, 1981, с. 13—28.

Поступила в редколлегию 23.01.85.

Л. Г. МОРОЗКО

О МЕТОДОЛОГИЧЕСКИХ ПРИНЦИПАХ ИССЛЕДОВАНИЯ ДУХОВНОГО МИРА ЛИЧНОСТИ

Исследование духовного мира личности, его структуры, функционирования и развития приобретает особое значение в связи с возрастанием роли субъективного фактора во всех сферах общественной жизни. Это обусловлено главными целями, задачами коммунистического строительства. Укрепление материально-технической базы социализма, совершенствование общественных отношений, воспитание нового человека предполагает всемерное совершенствование духовного мира личности. Осуществляется предсказание В. И. Ленина о том, что социализм приведет не к нивелировке личности, а к еще большему разнообразию, тем самым «в миллионы раз увеличивая «дифференцирование» человечества в смысле богатства и разнообразия духовной жизни и идейных течений, стремлений, оттенков» [3, т. 26, с. 281].

Советские философы, социологи и психологи внесли значительный вклад в разработку теории личности как системы, обогатили ее рядом выводов и положений. Принципиально новые задачи, касающиеся творческого развития проблем личности, были выдвинуты XXVII съездом КПСС.

Духовный мир — существенный компонент личности. Его научный анализ может быть успешным только на основе методологических положений марксистско-ленинской теории личности.

Марксизм обосновал положение о социальной сущности личности как совокупности всех общественных отношений: «Сущность человека не есть абстракт, присущий отдельному индивиду. В своей действительности она есть совокупность всех общественных отношений» [1, т. 3, с. 3]. Совокупность общественных отношений определяет тот или иной тип личности как обобщающий образ, впитавший в себя самые существенные черты социальной группы, класса, общества. Личность как философско-социологическая категория представляет собой конкретное выражение сущности человека, своеобразную интеграцию в отдельном индивидуе социально значимых черт, относящихся к сущности данного общества и формирующихся в различных видах общественной деятельности и отношениях.

Такое определение личности является исходным при анализе ее духовного мира, так как «...действительное духовное богатство индивида всецело зависит от богатства его действительных отношений» [1, т. 3, с. 36].

Исторический материализм рассматривает личность как диалектическое единство субъекта и объекта общественных отношений и деятельности, как составную часть общества. Личность и ее духовный мир являются индивидуальным выражением господствующих в обществе социальных отношений. Общество возникает из практических действий личностей, в то же время развитие личности определяется развитием общества. На это важное методологическое положение неоднократно обращали внимание К. Маркс и Ф. Энгельс: «...как само общество производит человека как человека, так и он производит общество» [1, т. 3, с. 3]. Такой подход дает основание определить личность как диалектическое единство всеобщих и индивидуальных признаков, «родовой» и «индивидуальной» жизни [2, с. 584].

Для анализа духовного мира личности важно положение К. Маркса о том, что «человек — это *мир человека*, государство, общество» [1, т. 1, с. 414]. Как отмечают исследователи, под «миром» человека К. Маркс подразумевал его внутреннюю духовную организацию, без анализа которой невозможно изучать личность, осуществлять программу ее формирования. Духовный мир — важнейший признак сущности личности. Эту мысль подчеркивает Б. Г. Ананьев: «В изучении человека как

личности особо выделяются статус личности, т. е. ее положение в обществе (экономическое, политическое, правовое), общественные функции, осуществляемые личностью в зависимости от этого положения и исторической эпохи в форме различных ролей, мотивация ее поведения и деятельности в зависимости от целей и ценностей, образующих ее внутренний мир, мировоззрение и вся совокупность отношения личности к окружающему миру (природе, обществу, труду, людям, самому себе): характер и склонности» [4, с. 83—84].

При анализе духовного мира личности следует учитывать его социальную детерминированность, социальную сущность, определяющую роль и конкретно-исторический характер общества.

Генетически духовный мир тесно связан с практическим и «теоретическим» выделением человека из природы. Это выделение происходит в процессе трудовой деятельности первобытных коллективов по освоению ими окружающей природной среды. Отдельный индивид изначально не отделяет себя от рода. Родовое самосознание как форма общественного самосознания выступает необходимой предпосылкой формирования индивидуального самосознания, которое возникает только тогда, когда человек выделяет себя из природы, начинает осознавать отличие человеческого способа действия от способов действий всех иных живых существ и природы как таковой. Происходит это на основе разложения родоплеменных отношений, формирования более широких исторических общностей, возникновения государства, правовых норм и законодательств. Духовный мир первобытного человека замыкался миром его рода или племени и освоенной ими природой, которая отражалась через призму родоплеменных отношений, воспринималась как часть того же рода или племени (отсюда этимология русского слова «мир»: община, «всем миром», «всей общиной»).

С возникновением классового общества духовный мир личности как производная всех сущностных сил человека, совокупность его социальных чувств и качеств приобретает классовый характер, отражая объективную действительность через призму жизненных интересов и целей определенных классов и социальных групп.

При исследовании духовного мира личности определяющим фактором выступают общественные отношения, которые «реализуются ... деятельностью, точнее, совокупностью ... многообразных деятельностей» [7, с. 183]. Деятельность, посредством которой личность включается в общественные отношения, выполняет двойную функцию (осуществляет перевод общественных отношений во внутренний мир личности и внутреннее — во внешнее) в связи с тем, что личность в процессе деятельности творит и воспроизводит их.

Деятельность в широком смысле выступает также важнейшим критерием для объективной оценки духовного мира личности, выявления ее подлинных мыслей, чувств, желаний, потребностей, идеалов и воззрений. «По каким признакам, — ставит вопрос В. И. Ленин, — судить нам о *реальных* «помыслах и чувствах» *реальных* личностей?» И тут же отвечает: «Понятно, что такой признак может быть лишь один: *действия* этих личностей, — а так как речь идет только об общественных «помыслах и чувствах», то следует добавить еще: *общественные действия* личностей, т. е. *социальные факты*» [3, т. 1, с. 423—424]. Помимо этого, считает Л. П. Буюева, «анализ деятельности человека вскрывает динамику, развитие функций и способностей общественного человека» [6, с. 59].

В детерминации духовного мира личности социальной деятельностью особая роль принадлежит трудовой деятельности, которая выступает реальной основой его становления, развития и функционирования. Взаимосвязь духовного мира личности и трудовой деятельности еще не нашла полного освещения в философско-социологической литературе, хотя ряд авторов анализировал различные аспекты этого взаимодействия. Так Т. Е. Старченко определяет отношение человека к труду как основную составляющую его духовного мира: «Важнейшими компонентами структуры духовного мира социалистической личности является ее отношение к труду, к познанию, включая систематическое повышение уровня профессиональных знаний...» [12, с. 54].

Анализ духовного мира личности предполагает рассмотрение диалектической взаимосвязи общественного и индивидуального сознания, которые в гносеологическом и социологическом аспектах представляют собой отражение общественного бытия и различаются по носителю, по содержанию и по роли в жизни общества. Диалектика общественного сознания и духовного мира личности есть не что иное, как диалектика общего и единичного. Общественное сознание, выполняя в обществе познавательную, мировоззренческую, регулятивную, организаторскую функции и, наконец, функцию воспитания человека и формирования его духовных интересов и потребностей, находит свое отражение в духовном мире личности.

Взаимосвязь духовного мира личности и общественного сознания — процесс двусторонний. И хотя при анализе данного процесса необходимо учитывать характер эпохи и личности, в целом влияние духовного мира на общественное сознание уступает по силе воздействия обратной связи. Главное же в этом взаимодействии состоит в том, что общественное сознание вносит в духовный мир личности те исходные принципы, которые определяют ее идейную принадлежность к своему классу, социальной группе.

До недавнего времени многие авторы, рассматривая духовную жизнь личности, ставили знак равенства между понятиями «индивидуальное (личностное) сознание» и «духовный мир личности». В последних публикациях обсуждался вопрос о правомерности выделения понятия «духовный мир личности» как самостоятельной категории наряду с понятием «индивидуальное сознание». А. Г. Спиркин отмечает: «Структура сознания уже структуры личности, ибо духовный мир личности охватывает не только сознательные, но и бессознательные психические процессы, которые резко индивидуализированы и составляют существенную личностную характеристику. В структуру личности включаются также определенные состояния и свойства — темперамент, интуиция, установка, ценностная ориентация и, наконец, мировоззрение, убеждения, идеалы. Изъятие из духовной структуры личности каких-либо компонентов приводит к ее разрушению» [10, с. 268].

В определениях понятия «духовный мир личности», имеющих в литературе, подчеркивается прежде всего его отражательный характер, который четко выделила Л. В. Сохань: «...духовный мир человека обнимает все содержание отражательной деятельности мозга и самую деятельность человека по освоению и преобразованию действительности»; «духовный мир личности является индивидуальным бытием духовной жизни всего общества, есть продукт общественного развития, отражение социального бытия личности» [9, с. 46, 47].

Авторы книги «Строительство коммунизма и духовный мир человека» рассматривают духовный мир как понятие, совпадающее по содержанию с духовной жизнью общества [12]. Думается, что такое отождествление не учитывает сложное диалектическое взаимодействие личности и общества, ведет к одностороннему социологизму. Сознание личности не только отражает внешнее воздействие, но и представляет собой побудительную силу, внутренне детерминирующую жизнедеятельность, поведение личности.

На наш взгляд, нельзя согласиться с точкой зрения Е. А. Ануфриева, который, анализируя социальную структуру личности, одним из пяти ее основных элементов называет «...степень овладения культурными ценностями общества, т. е. духовный мир личности» [5, с. 104], тем самым неоправданно сужая рассматриваемое нами понятие.

В ряде работ, авторы которых используют структурный и функциональный методы в изучении явлений духовной жизни, духовный мир личности характеризуется как внутренний мир личности, как взаимодействие его основных элементов, включающих в себя рациональную сферу: «разум и рассудок, эмоциональную сферу, состоящую из эмоций и чувств, волевою сферу, которую можно определить как сплав разума и чувств, ...своего рода механизм перевода идеальных состояний духов-

ного мира личности в действенное состояние: поступки, качества, навыки, привычки» [8, с. 10]. Исторический материализм как философско-социологическая наука, выяснив зависимость духовного от материального, исследует специфику общественной жизни в плане социальной деятельности людей, углубляет анализ и раскрывает особенности материальной и духовной жизни людей, соотношение данных особенностей, используя при этом гносеолого-социологический аспект анализа. В таком аспекте духовный мир личности — сложное содержательное образование, которому присуща социальная активность. Поэтому вполне правомерно рассматривать духовный мир как социальную функцию сознания личности и в качестве наиболее значимых компонентов анализировать те черты, которые выражают его социальную направленность и социальную сущность.

Список литературы: 1. Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. 2. Маркс К., Энгельс Ф. Из ранних произведений. М., 1956. 685 с. 3. Ленин В. И. Полн. собр. соч. 4. Ананьев Б. Г. Человек как предмет познания. Л., 1978. 339 с. 5. Ануфриев Е. А. Социальный статус и активность личности. М., 1984. 286 с. 6. Бугева Л. П. Человек: деятельность и общение. М., 1978. 216 с. 7. Леонтьев А. Н. Деятельность, сознание, личность. М., 1977. 302 с. 8. Сафонов Б. В. Эстетическое сознание и духовный мир личности. М., 1984. 95 с. 9. Сохань Л. В. Духовный прогресс личности и коммунизм. К., 1966. 320 с. 10. Спиркин А. Г. Сознание и самосознание. М., 1972. 303 с. 11. Старченко Т. Е. Духовный мир нового человека. Львов, 1983. 185 с. 12. Строительство коммунизма и духовный мир человека. М., 1966. 287 с.

Поступила в редакцию 29.03.85.

Н. Т. ГОСТЕВ, канд. филос. наук

ОБЩЕСТВЕННОЕ РАЗДЕЛЕНИЕ ТРУДА В СФЕРЕ ДУХОВНОГО ПРОИЗВОДСТВА — ОСНОВА МНОГООБРАЗИЯ ВИДОВ И ФОРМ ПРОЯВЛЕНИЯ УМСТВЕННОГО ТРУДА

Анализируя научно-исследовательскую деятельность, научное познание, К. Маркс сумел органически соединить общеполитический (гносеологический) и социологический подходы и в связи с этим не только ввел понятие, но и разработал концепцию духовного производства. «При помощи этого понятия, — как правильно подчеркивает Н. В. Мотрошилова, — Маркс обозначает развитую дифференцированную систему отношений и взаимодействий, в рамках и на основе которых общество непрерывно осуществляет производство, воспроизводство и распространение духовно-культурных продуктов» [7, с. 93].

Рассматриваемое в общесоциологическом аспекте духовное производство является одной из сфер общественной жизни

людей, отраслью общественного производства, где создаются духовные ценности, которые удовлетворяют общественные, производственные и личные потребности. Оно представляет собой исторически обусловленную определенным способом материального производства целесообразную деятельность людей по производству, развитию, распространению, хранению, распределению, обмену, потреблению, практическому использованию знаний и других общественно значимых духовных ценностей, а также же духовных способностей человека.

К. Р. Мегрелидзе в работе «Основные проблемы социологии мышления» указывал, что «...в истории становления и развития человеческого общества труд, орудия труда, материальная культура, язык и мышление представляют собой составные части как неразрывно связанные и взаимно друг друга обуславливающие; и если мы хотим изучить мышление, нужно весь этот сложный общественный комплекс брать целиком в его совокупности и единстве с общим историческим процессом развития человечества» [6, с. 16].

Духовное производство — это сложная система различных компонентов, где духовная деятельность протекает в неразрывном единстве с материально-предметной.

Производство духовных продуктов носит постоянный и целенаправленный характер и предполагает управление со стороны общества. Только благодаря разветвленной сети различных учреждений науки, культуры, образования и других организаций, многие из которых располагают сложными техническими сооружениями, установками и приборами, а также специально подготовленными кадрами, возможно современное духовное производство. Именно данный тип деятельности К. Маркс наделял статусом собственного духовного производства, которое включено как неотъемлемая составная часть в целостное общественное производство, в сложную систему общественных отношений, существующих объективно, независимо от человека.

В каком бы смысле мы ни употребляли термин «духовное производство», его главной задачей в условиях социализма является не только производство знаний и других духовных ценностей, но и формирование развитой человеческой личности. «Современное духовное (духовно-материальное) производство — это прежде всего познание и духовное воспроизведение человеком окружающего его предметного мира, общества и самого себя. Оно заключается в выработке научных (а часто и квазинаучных) знаний и в последующей их «доработке», конкретизации в прикладной научной деятельности, в ходе которой происходит их приспособление к производственному и личному потреблению. В результате возникает быстро возрастающая в ходе НТР масса духовных благ и услуг, причем каждая их составная часть в той или иной степени облекается в матери-

альную оболочку. Образуется как бы «лесенка» потребительных стоимостей, «ступени» которой ведут в материальное производство, где они смыкаются с материально-духовными благами и услугами [3, с. 170]. Материальное и духовное производство являются двумя противоречивыми, но взаимосвязанными сторонами органически единого процесса общественного производства. Непосредственной предпосылкой разделения материального и духовного производства, их существования, функционирования и развития является разделение физического и духовного труда. Духовное производство, хотя и является процессом прежде всего умственного труда, не сводится к нему как единственному.

Духовное производство представляет собой функционирование различных видов умственного и физического труда. Эффективной основой существования и функционирования конкретных видов труда, в том числе и умственного, является общественное разделение труда. В самом общем виде общественное разделение труда «есть не что иное, как сосуществующий труд, т. е. сосуществование различных видов труда, представленное в различных видах продуктов» [1, т. 26, ч. II, с. 278]; как только появляется разделение труда, каждый приобретает свой определенный, исключительный круг деятельности, который ему навязывается и из которого он не может выйти... если не хочет лишиться средств жизни» [1, т. 3, с. 31—32]. В общественном разделении труда, в зависимости от того, что берется за критерий классификации, можно выделить бесчисленное множество различных видов и форм его проявления. Каждой общественно-экономической формации присущ свой особый социально-экономический характер разделения труда, свои особенности воздействия на развитие работника материального и духовного производства.

Относительно духовного производства общественное разделение труда выражается в возникновении и функционировании различных видов духовной деятельности, связанных как с производством, так и с распределением людей по различным отраслям духовного производства.

Под влиянием научно-технического и социального прогресса происходит интенсивный процесс дальнейшего углубления общественного разделения труда, появляются и обособляются новые отрасли, новые виды производства и занятий, многие из которых быстро становятся сферой деятельности значительных групп работников. Эта тенденция характерна как для сферы материального производства, так и для сферы духовного производства.

Одним из важнейших показателей дальнейшего углубления общественного разделения труда является процесс непрерывного увеличения количества профессий и специальностей как видов приложения конкретного труда.

Необходимо обратить внимание на тот факт, что разные виды труда в сфере материального, духовного производства могут выступать в качестве основы не только для общественно разделенного труда, но и для неразделенного труда.

Разделенный труд — это труд, за отдельными видами которого на определенный период времени (более или менее продолжительный) закрепляются отдельные работники или их группы, благодаря чему различные виды труда могут функционировать одновременно, а представляющие их работники обмениваться между собой деятельностью и ее результатами. Разделенный труд, следовательно, предполагает наличие четырех важнейших компонентов: расчленение процесса производства (материального или духовного) качественно различные виды человеческой деятельности, закрепление за ними отдельных работников или их групп, возможность одновременного параллельного функционирования различных видов труда, обмена деятельностью между людьми, представляющими эти различные виды труда. Отсутствие хотя бы одного из этих элементов лишает характеристику труда как общественно разделенного. Если один из работников интеллектуального труда, например, сперва производит идею, потом на основе ее разрабатывает теорию, а затем создает проект какого-либо механизма, то налицо последовательное, но неодновременное осуществление операций одним и тем же человеком. В данном случае мы имеем дело с последовательно сменяющимися отдельными операциями, но не с общественно разделенным трудом.

Необъемлемым началом для общественного разделения труда в сфере умственной деятельности является превращение его отдельных видов в самостоятельные по отношению друг к другу виды, что достигается закреплением этих видов труда за различными группами людей. «Там, где существует разделение труда в общественном масштабе, — писал Ф. Энгельс, — отдельные процессы труда становятся самостоятельными по отношению друг к другу» [1, т. 37, с. 415].

Общественное разделение труда как в материальном, так и в духовном производстве предполагает взаимодействие двух противоположных процессов. С одной стороны, необходимым условием общественного разделения труда является обособленность отдельных видов целенаправленной деятельности как момента труда и обособленность производителей как составной части производительных сил. С другой стороны, налицо взаимосвязь и взаимозависимость производителей, выполняющих различные виды общественного труда. Под разделением интеллектуальной деятельности понимается такая дифференциация процесса производства знаний и других духовных ценностей, которая сопровождается обменом деятельности между людьми.

Детерминирующими факторами общественного разделения труда являются развитие орудий труда, вовлечение в произ-

водственный процесс новых видов разнообразных вещей природы, выступающих в роли предметов труда, постоянно возникающая потребность в повышении эффективности производства, росте производительности труда и т. д.

«Уровень развития производительных сил нации обнаруживается всего нагляднее в том, в какой степени развито у нее разделение труда» [1, т. 3, с. 20]. Высказанные К. Марксом и Ф. Энгельсом положения в отношении материального производства с полным основанием относятся и к духовному производству.

Сосредоточение усилий человека, отдельных групп людей на каком-то одном определенном виде интеллектуальной деятельности способствует повышению ее эффективности. Но, занимаясь лишь одним видом интеллектуальной деятельности, производством определенных знаний, духовных ценностей, отдельный человек не в состоянии самостоятельно удовлетворить сразу все свои собственные, а также разносторонние коллективные и общественные духовные потребности. Этого можно достичь только путем обмена деятельностью между людьми, занятыми в различных сферах духовного производства, или производственная деятельность которых непосредственно связана с какой-то одной фазой движения знания.

Знания как основной результат, продукт интеллектуальной деятельности в своем движении от их производства до практического воплощения проходит ряд относительно самостоятельных этапов, в каждом из которых заняты особые, также относительно самостоятельные группы работников, обладающих не только общими для всех работников умственного труда чертами, но и чертами специфическими, свойственными только для них.

Работники умственного труда, творческая деятельность которых непосредственно связана с открытием новых законов и тенденций развития реальной действительности, с производством новых знаний, систематизацией и дальнейшим их развитием, составляют отдельную группу научных работников. Работники умственного труда, в основном занятые распространением и популяризацией знаний, образуют огромную армию работников образования, просвещения, пропаганды, массовых средств информации. Своей деятельностью они способствуют формированию духовного мира личности, развитию ее интеллекта и творческих способностей, а тем самым — повышению культурно-гуманитарного, технического, профессионально-квалификационного уровня работников и эффективности общественного труда.

В качестве самостоятельного звена в движении знаний выступает информационная деятельность, основным содержанием которой является поиск, сбор, аналитико-синтетическая обработка и хранение информации, репродуцирование и передача

ча информационных материалов заинтересованным организациями и лицам.

Самая наибольшая группа работников умственного труда связана с использованием знаний, с претворением их в практику. Сюда прежде всего относятся инженерно-технические, агрономические, зоотехнические и ветеринарные работники, работники сферы медицинского обслуживания и ряда других сфер человеческой деятельности.

Структура отдельных групп работников умственного труда сложна и не всегда совпадает с логической структурой движения знания.

Каждая из представленных групп работников умственного труда объединяет большое количество профессий, специальностей, представители которых осуществляют различную роль, различные функции в интеллектуальной деятельности. На какой бы основе не было произведено выделение отдельных видов умственного труда и соответственно им отдельных групп работников, каждая из них в той или иной степени принимает участие в других сосуществующих видах труда. Так, научные работники не только вырабатывают знания, в их деятельности большое место занимает поиск информации, распространение знаний, претворение их в практическую жизнь. То же самое можно сказать и о других видах умственного труда.

Поэтому при классификации учитывается лишь характер преимущественной деятельности разных групп работников умственного труда. Так, в деятельности инженерно-конструкторских работников значительное место занимают исследовательские моменты, но ведущим, определяющим данный вид трудовой деятельности, является все же практическое претворение уже выработанных наукой знаний в конкретные производственные разработки.

Общественное разделение труда является такой дифференциацией трудовой деятельности, в которой совокупность различных специализированных видов труда и обмен деятельностью находятся в органическом единстве. Об общественном разделении труда можно говорить только в том случае, если между относительно самостоятельными, независимыми друг от друга специализированными видами интеллектуального труда возникают связи посредством обмена, и различные виды труда из независимых друг от друга превращаются в зависимые, неотъемлемые части единого целого. Люди «не могут производить, не соединяясь известным образом для совместной деятельности и для взаимного обмена своей деятельностью» [1, т. 6, с. 441].

Разделение труда и взаимосвязь между отдельными трудовыми процессами и исполнителями, т. е. кооперация труда, находится в неразрывной связи. Подчеркивая неразрывность и взаимосвязь процессов разделения труда и его кооперации,

К. Маркс писал, что «разделение труда уже само по себе есть особый вид кооперации» и что «многие его преимущества вытекают из общей сущности кооперации вообще» [1, т. 23, с. 351]. Процесс духовного производства представляет собой совокупность бесконечного множества специализированных видов интеллектуальной деятельности, причем степень их разнообразия постоянно увеличивается. Углубление дифференциации характерно для любой сферы интеллектуальной деятельности, оно является отражением бесконечной сложности самой природы, неисчерпаемости ее свойств и форм проявления. Поскольку природа в своих проявлениях не имеет границ, постольку и ее познание человеком беспредельно. По мере увеличения и усложнения знаний усиливается дифференциация интеллектуальной деятельности, возникают новые ее виды, появляются новые специальности и группы людей, представляющие их. Так, проникновение в тайны природы путем исследования космического пространства и практическое использование его результатов породило много новых видов умственного труда. Только в медико-биологической сфере за последние годы возникло до полутора десятков космических наук — космическая биохимия, космическая генетика, космическая микробиология, космическая эмбриология, космическая физиология высшей нервной деятельности, космическая бионика, свои первые шаги делает космическая энергетика. Подобные примеры можно привести для любого вида интеллектуальной деятельности, особенно для сферы науки. «Каждый работник науки знает, — писал академик А. Н. Несмеянов, — насколько она дифференцировалась, и не только по объектам, но и по методам исследования, по языку, по способу мышления. Настолько, что часто нелегко достигнуть взаимопонимания и контакта в работе» [4, с. 7]. К каким бы осложнениям ни вела дифференциация интеллектуальной деятельности, необходимо иметь в виду, что это объективный процесс, который следует изучать и на основании познанных его закономерностей определять наиболее оптимальные пути дальнейшего развития науки и использование ее результатов в практике.

К возникновению специализированных знаний и на их основе к формированию самостоятельных видов интеллектуального труда ведет не только процесс дифференциации интеллектуальной деятельности, происходящий под влиянием современной научно-технической революции. Наряду с дифференциацией современного умственного труда происходит другой, противоположный процесс — интеграция знания, процесс сращивания отдельных видов интеллектуальной деятельности, их взаимопроникновение.

Особенно интенсивные процессы, связанные с дифференциацией и интеграцией интеллектуальной деятельности, происходят в науке. «Дифференциация наук, — писал Б. М. Кедров, —

в отличие от прошлых эпох ведет теперь не к дальнейшему их разобщению, а к их синтезу. Вновь возникшие науки оказываются связывающим, цементирующим началом по отношению к основным разделам естествознания» [12, 1961, № 12, с. 54]. В процессе сближения наук возникают новые промежуточные стыковые науки. Так, на стыке физики, механики, химии, электроники, биологии возникли механическая физика, физическая химия, биологическая химия, электронная физика и т. д. Процесс сближения наук имеет и другие формы проявления: взаимопроникновение методов и содержания наук, обмен между ними информацией, объединение усилий ряда ученых разных специальностей для комплексного решения единой проблемы. Наука объективно может развиваться только как одно целое. На эту сторону в свое время обратил внимание выдающийся физик М. Планк, который писал: «Наука представляет собой внутренне единое целое. Ее разделение на отдельные области обусловлено не столько природой вещей, сколько ограниченностью способностей человеческого познания. В действительности существует непрерывная цепь от физики к химии, через биологию и антропологию — к социальным наукам, цепь, которая ни в одном месте не может быть разорвана, разве лишь по произволу» [8, с. 183].

Структурное деление интеллектуальной деятельности можно производить по нескольким основаниям, разным критериям: по характеру объекта приложения труда, его содержанию и функциям, которые он выполняет, по степени сложности и творческого начала в нем, самой направленности умственного труда, по характеру задач, которые он решает, по назначению и характеру конечного использования результатов умственного труда и т. д.

Различные основания, критерии деления порождают и различные схемы, структуры умственного труда. Следовательно, по своей структуре и функциям умственный труд далеко не однороден, существуют весьма многообразные его виды. Каждый из видов умственной деятельности выполняет в общественном разделении труда только ему присущие функции. Функции умственного труда — это основные направления и стороны его деятельности, в которых проявляется его сущность и посредством которых определяется его место, а также социальное назначение в обществе и роль в совокупном общественном труде. Функции умственного труда — это прежде всего действия, связанные с процессом интеллектуальной деятельности, которые носят объективный и многообразный характер и осуществляются в процессе постоянного и непрерывного взаимодействия человека с внешней средой — природой и обществом. В процессе интеллектуальной деятельности выполняется множество различных познавательных, исполнительских, управленческих и других функций. Развитие функций умственного тру-

да, обособление их в относительно самостоятельные разновидности приводит к расширению и углублению общественного разделения труда, к возникновению специализированных видов работ в сфере духовного производства.

Одним из важнейших критериев разделения работников умственного труда является их разграничение по характеру и содержанию труда, по степени его сложности и уровню квалификации работника. Одни виды умственного труда от его исполнителей требуют эвристических, творческих функций, высокого уровня образования. Эта группа работников умственного труда объединяет лиц, профессиональная деятельность которых предполагает, как правило, наличие высшего или среднего специального образования. Лица, входящие в эту группу, преимущественно связаны с выполнением организаторских, управленческих функций. Другая группа работников умственного труда объединяет лиц, профессиональная деятельность которых не требует высокой квалификации. Для успешного выполнения своих профессиональных обязанностей им нет необходимости иметь специальное среднее образование и тем более высшее.

С точки зрения интеллектуально-мыслительной деятельности труд данной категории людей не является сложным, он связан с малой затратой умственной энергии, по своему содержанию более стереотипен, однообразен. Основной функцией работников данной категории — технических секретарей, учетчиков, машинисток, операторов на счетных машинах и т. д. — является обеспечение руководителей и специалистов своевременной и достоверной информацией, необходимой и достаточной для принятия оптимального решения и организации их выполнения. По своему содержанию труд этой категории работников носит четко выраженный исполнительский характер.

С точки зрения места и роли в системе различных областей общественного хозяйства и культуры, назначения и характера конечного использования результатов умственного труда важно различать следующие его виды: во-первых, это умственный труд, непосредственно связанный с производством материальных благ. В сфере материального производства возрастание роли умственной деятельности находит конкретное проявление в двух своих формах. Под влиянием научно-технического прогресса идет процесс быстрого возрастания умственных усилий в труде непосредственных производителей материальных благ, т. е. людей, которые традиционно считаются представителями физического труда. В действительности речь идет об изменении соотношения в труде как целостном явлении двух его органически неотъемлемых частей — физической и умственной деятельности в пользу последней, т. е. об интеллектуализации физического труда. Во-вторых, под влиянием тех же факторов в производстве материальных благ происходит возрастание

значения умственного труда как самостоятельного профессионального вида деятельности. Прежде всего ускоренными темпами в производственно-техническом персонале материального производства идет процесс как абсолютного, так и относительного увеличения численности специалистов с высшим и средним специальным образованием, которые оказывают все более решающее влияние на повышение всесторонней эффективности производственного процесса.

Во-вторых, умственный труд, связанный с совершенствованием самого человека, с гармоническим развитием его физических и интеллектуальных способностей и дарований. К этому виду умственного труда можно отнести работников просвещения, здравоохранения, физкультуры и спорта, театрально-зрелищных и других организаций и учреждений.

С дальнейшим развитием научно-технического и социального прогресса в качестве основной задачи все в большей степени выдвигается необходимость всестороннего, гармонического развития человеческой личности и общества в целом. Социальное назначение этого вида умственного труда связано с преобразованием самой общественной природы, с развитием профессиональных навыков и культурного уровня человека.

В-третьих, умственный труд, призванный удовлетворять общественные потребности, необходимость которых порождается прогрессом общественного производства и общества в целом. Возникновение этих видов умственного труда связано с необходимостью развития и совершенствования взаимоотношений людей в обществе. К этому виду труда прежде всего относятся работники органов государственного управления и общественных организаций, органов обороны и охраны общественного порядка, некоторых видов культурно-просветительных учреждений.

В-четвертых, умственный труд, разнообразностью которого является научная деятельность. Результаты научной деятельности находят свое проявление, практическое воплощение, как правило, во всех без исключения областях производственной, общественной и личной жизни людей.

Такое деление умственного труда в определенной степени имеет условный характер. Порой невозможно разграничить с абсолютной точностью, какие виды умственного труда непосредственно связаны с производством материальных благ, с развитием личности, с удовлетворением общих социальных потребностей. «Безусловно, приведенное деление, — указывает М. Н. Руткевич, — не является «жестким». Во многих случаях можно без труда указать на пограничные явления, на частичное наложение указанных отрядов друг на друга. Так, многие представители вузов, не имеющие ученых степеней, званий и опыта в науке, с известной долей условности не могут рассматриваться как научный персонал, скорее их надо отнести к педагогам.

Административный аппарат имеется в каждой сфере деятельности, и уже поэтому руководители инженерных служб, школ, вузов, художественных коллективов и т. д. одновременно выступают и как представители своей профессии, притом наиболее квалифицированные исполнители» [10, с. 87—88].

Возможны и другие группировки разных видов умственного труда. Объективной основой деления умственного труда на отдельные виды и подвиды может служить его связь с различными сторонами общественной жизни — производством, социально-классовой структурой, политической сферой, духовной жизнью людей.

Определенный интерес представляет классификация умственного труда на типы (группы, виды) в зависимости от особенностей объекта, с которым человек постоянно взаимодействует в процессе своей трудовой деятельности: умственный труд в системе человек—техника; умственный труд в системе человек—человек (человек—группа); умственный труд в системе человек—знаковые системы; умственный труд в системе человек—художественный образ. Данная классификация, как и другие, имеет относительный характер. Только преобладание того или иного признака позволяет выделить конкретный вид умственного труда в самостоятельный вид, который предъявляет определенные социально-классификационные, психологические и другие требования к его носителю — человеку.

Каждый тип умственного труда представляет собой совокупность большого количества различных видов интеллектуальных действий, объединяемых в одну группу единым признаком. Но какую бы основу для классификации функций умственного труда не брали, она должна соответствовать действительности, исходить из объективной реальности. Невозможность проведения абсолютно точных границ между различными видами умственного труда совсем не должно нас вести к отказу от подобной классификации. Такое деление имеет важное теоретическое и практическое значение (в частности, для определения необходимых соотношений в подготовке кадров различного уровня квалификации, определения материальных и денежных средств и т. д.).

При анализе проблем общественного разделения труда в сфере духовного производства очень важно проводить различия между профессионально-квалификационной и социальной дифференциацией. Если профессиональные различия, связанные с тенденцией к дальнейшей специализации трудовой деятельности, углубляются и развиваются, то социальные различия, связанные с производственными отношениями, общественным разделением труда в условиях совершенствования социализма, постепенно преодолеваются. Умственный труд является главным признаком интеллигенции. В. И. Ленин считал, что интеллигенция

представляет людей «умственного труда... в отличие от представителей физического труда» [2, т. 8, с. 309]. Но «интеллигенция отличается от рабочего класса и крестьянства не просто количеством затрат интеллектуальной энергии в процессе труда, а прежде всего качественным содержанием и функциональным назначением своего умственного труда, его социальной ролью» [10, с. 33]. В социальном отношении главным является не труд сам по себе, «а лишь общественная форма труда, общественное устройство труда, или иначе: отношения между людьми по участию их в общественном труде» [2, т. 7, с. 45]. Социальная функция, осуществляемая интеллигенцией, определяется через ту систему производственных, классовых отношений, в рамках и под воздействием которых она протекает.

В новой редакции Программы КПСС подчеркивается, что «важнейшая закономерность развития социальных отношений на современном этапе — сближение рабочего класса, колхозного крестьянства и интеллигенции, становление бесклассовой структуры общества при решающей роли в этом процессе рабочего класса... Преодоление различий между этими классами, утверждение в нашей стране общества без классов произойдут в основном в исторических рамках первой социалистической фазы коммунистической формации.

Революционные преобразования в производительных силах ведут к возрастанию в деятельности широчайших масс рабочих и колхозников удельного веса умственного труда. Одновременно увеличивается численность интеллигенции, повышается ее творческий вклад в материальное производство и другие сферы общественной жизни. Это способствует постепенному стиранию существенных различий между физическим и умственным трудом, сближению всех социальных групп. Полное преодоление этих различий, формирование социально однородного общества завершатся на высшей фазе коммунизма. Пока такие различия существуют, партия считает делом первостепенной значимости тщательный учет в своей политике особенностей интересов классов и социальных групп» (Правда, 1986, 7 марта).

Список литературы: 1. Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. 2. Ленин В. И. Полн. собр. соч. 3. Васильчук Ю. А. Научно-техническая революция и рабочий класс при капитализме. М., 1980. 290 с. 4. Глазами ученого. М., 1962. 180 с. 5. Духовное производство: Социально-философские аспекты проблемы духовной деятельности. М., 1981. 352 с. 6. Магрелидзе К. Р. Основные проблемы социологии мышления. Тбилиси, 1983. 438 с. 7. Мотрошилова Н. В. Наука и ученые в условиях современного капитализма. М., 1976. 294 с. 8. Планк М. Единство физической картины мира. М., 1966. 320 с. 9. Руткевич М. Н. Становление социальной однородности. М., 1982. 336 с. 10. Научный коммунизм и фальсификация его ренегатами. М., 1974. 68 с. 11. Философские науки. 12. Вопросы философии.

Поступила в редколлегию 14.03.85.

**К ВОПРОСУ ОБ ОПРЕДЕЛЕНИИ ЗНАЧЕНИЯ
И ЦЕННОСТИ ОБЩЕСТВЕННОГО ПРОДУКТА
В СОЦИАЛИСТИЧЕСКОМ ОБЩЕСТВЕ
(ФИЛОСОФСКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ)**

Задача ускорения социально-экономического развития страны на базе научно-технического прогресса, поставленная апрельским (1985 г.) Пленумом ЦК КПСС, направлена на достижение нового качественного состояния нашего общества. Ее решение требует коренных изменений и в теоретическом осмыслении социалистических общественных отношений. Одним из вопросов, решение которого должно способствовать этому, является вопрос о ценности общественного продукта и ее измерении в социалистическом обществе. В статье предлагается его философско-методологическое решение.

В первую очередь мы попытаемся определить общественную форму продукта, которая приходит в социалистическом обществе на смену товарной форме.

Как известно, производственные отношения складываются в зависимости от уровня развития производительных сил и в конечном счете определяются последними. Главное в производственных отношениях — отношения к средствам производства. Конечная цель производства — удовлетворение потребностей общества. Непосредственная же цель производства исторически изменяется, так как определяется формой собственности на средства производства. В капиталистическом обществе, где господствует частная собственность на средства производства, непосредственной целью его является обмен, в результате которого извлекается прибавочная стоимость и достигается обогащение собственников средств производства.

При социализме общественная собственность на средства производства определяет его непосредственную цель — потребление продукта. Конечно, в силу разделения труда и необходимости обмена деятельностью продукты в социалистическом обществе также обмениваются и проходят товарную форму своего бытия, однако общественная собственность на средства производства не делает эту форму непосредственной целью производства. Эта форма — лишь момент на пути продукта к использованию, потреблению. В процессе потребления общественный продукт принимает здесь форму потребительной стоимости, которая и раскрывается в этом обществе.

Придя к такому выводу, политэкономисты признают потребительную стоимость экономической категорией и пытаются установить объективный критерий измерения ее ценности.

«Признание потребительной стоимости в качестве экономической категории, обоснование методологии ее оценки и измерения — настоятельное веление времени, необходимое для того, чтобы нацелить производство на достижение наивысших результатов» [3].

В каком смысле следует понимать потребительную стоимость экономической категорией? Этот вопрос встает потому, что при товарных отношениях в капиталистическом обществе потребительная стоимость выполняет функцию носителя и выразителя стоимости. А потребительная стоимость как потребительная стоимость реализует себя за пределами товарных отношений. К. Маркс, касаясь этого вопроса, говорит следующее: «Потребительная стоимость ... не выражает ... никакого ... производственного отношения..., потребительная стоимость как потребительная стоимость находится вне круга вопросов, рассматриваемых политической экономией» [1, т. 13, с. 14]. Из данного положения следует, что если признавать потребительную стоимость экономической категорией, то не в области товарно-денежных, а в области других общественных отношений. Вопрос о новых экономических отношениях или, вернее, о новой определяющей стороне экономических отношений социалистического общества — довольно сложный вопрос. Это пока еще мало изученный вопрос об отношениях по использованию потребительных стоимостей, определяемых непосредственной целью производства.

Важнейшая сторона этих отношений состоит в следующем. В социалистическом обществе не только производство, но и распределение и потребление продукта носит общественный характер. В теоретическом познании необходимо исходить из фактического положения, что в этом обществе удовлетворение общественных — в том числе и производительных — потребностей определяет в конечном счете характер удовлетворения личных потребностей людей. На эту сторону дела недостаточно обращается внимание в теоретических исследованиях. Между тем общественный характер потребления продукта и удовлетворение на этой основе общественных и личных потребностей людей — историческое завоевание социализма и оно должно быть взято в качестве основополагающего методологического принципа теоретического познания.

Если использование продукта в социалистическом обществе рассматривать руководствуясь этим принципом, то приходим к выводу, что потребительная стоимость за отношением человек—предмет скрывает также отношения между людьми. Это не товарно-денежные, а хозяйственные отношения по использованию потребительных стоимостей как на производстве, так и за его пределами, а следовательно, это и экономические отношения.

Предметом рассмотрения становятся отношения по использованию потребительных стоимостей при социализме. В более широком плане исследованию подлежит социалистический способ производства, но взятый со стороны не созидания (производства), а потребления (использования) продуктов, которое определяется непосредственной целью производства.

Предварительно рассмотрим различие между стоимостью и ценностью общественного продукта в социалистическом обществе. Когда общественный продукт исследуется со стороны его товарной формы, товар всегда рассматривается с точки зрения результата. Когда же общественный продукт рассматривается со стороны его потребительной формы, потребительная стоимость рассматривается с точки зрения процесса. Разъясняя отличие стоимости от других определений общественного продукта в капиталистическом обществе, К. Маркс пишет: «...действие товара, благодаря которому он есть потребительная стоимость... можно назвать его услугой, которую он оказывает как потребительная стоимость. Но как меновая стоимость товар всегда рассматривается с точки зрения результата. Здесь речь идет не об услуге, которую он оказывает, но об услуге, которая была оказана ему самому в процессе его производства» [1, т. 13, с. 23]. При изучении ценности потребительной стоимости необходимо будет иметь в виду услугу, которую она оказывает обществу в процессе ее использования. Потребительная стоимость, которая не используется и не оказывает услугу, не является таковой. Действительная потребительная стоимость — это не сам предмет потребления, а процесс его использования. Поэтому в дальнейшем рассмотрению подлежит **процесс** использования общественного продукта как потребительной стоимости.

Объективный критерий ценности потребительной стоимости. В капиталистическом обществе продукт, принимая форму товара, выступает как единство потребительной стоимости и стоимости. В социалистическом обществе продукт, принимая форму потребительной стоимости, выступает как единство новых противоположностей — значения и ценности. Рассмотрим их независимо друг от друга.

Потребительная стоимость — это общественный продукт, созданный людьми для оказания, производства определенных услуг в процессе его использования. Процесс использования потребительной стоимости по назначению есть живое бытие ее значения. Ее использование включает в себя число услуг, производимых в единицу времени, срок годности материала и продолжительность использования этой потребительной стоимости. Значение потребительной стоимости — процесс противоречивый: стремление людей извлечь из нее как можно больше услуг в единицу времени ограничивается рамками природных и конструктивных возможностей, воплощенных в материале.

Все потребительные стоимости качественно различны и сравнению не подлежат.

Признание потребительной стоимости экономической категорией порождает стремление найти в реальных потребительных стоимостях нечто общее, подобное стоимости товаров. Однако поиск не увенчался успехом. Ю. Иванов, который специально занимался этим вопросом, пришел к выводу, что «...потребительная стоимость не обладает всеобщностью стоимости» [2, с. 48]. Предлагаемое здесь рассмотрение потребительных стоимостей в социалистическом обществе с учетом его общественного характера открывает путь к выявлению у них нового общего — ценности.

Выше потребительная стоимость рассмотрена нами с внешней стороны, теперь же рассмотрим ее сущность, что предполагает установление ее нового, высшего общественного системного качества. Сложность познания последнего состоит в том, что ни одного атома его в теле потребительной стоимости не содержится. Как общественное содержание потребительной стоимости оно лишь проявляется в процессе ее использования. Задача теоретического познания состоит в том, чтобы обнаружить это качество и определить его. В системе категорий диалектической логики данный вопрос получает следующее решение.

Теперь мы определим ценность потребительной стоимости. Потребительная стоимость — общественная форма продукта труда в социалистическом обществе, которая имеет соответствующее ей общественное содержание. Этим содержанием является ее ценность — высшее общественное системное качество. Как общественное содержание ценность предметно не овеществлена, поэтому ее нет в потребительной стоимости, но нет ее и вне последней.

Наличие значения у потребительной стоимости свидетельствует лишь о том, что она предназначена для производства определенных услуг и производит их в процессе ее использования. Но лишь по значению нельзя определить, сколько усилий затрачивается обществом на использование данной потребительной стоимости с целью получения услуг. Эту сторону процесса использования потребительных стоимостей мы и рассмотрим далее.

Как уже было сказано, все потребительные стоимости качественно различаются по своему значению и с этой стороны сравнению не подлежат. Однако все они оцениваются и о любой из них существует суждение типа «имеет большую ценность», «имеет небольшую ценность», «не имеет ценности». Следовательно, если качественно различные потребительные стоимости оцениваются одинаково, то у них сохраняется какое-то общее качество и они интуитивно приводятся людьми к еще неизвестному нам качеству, сравниваются и оцениваются.

А разнокачественные предметы нельзя сравнивать и оценивать. Попробуем определить это качество.

Если отвлечься от значений потребительных стоимостей как разнокачественных процессов и обратиться к их использованию, то окажется, что перед нами остаются процессы живого абстрактного труда, затрачиваемого обществом на использование этих потребительных стоимостей. С этой стороны все потребительные стоимости однокачественны — это процессы одного и того же живого абстрактного труда, затрачиваемого обществом в единицу времени на их использование.

Труд — процесс двойкий: он одновременно является и производителем, и потребителем. Причем производительное потребление — его первое историческое действие, потому оно должно быть и его первым логическим определением. Ведь первое трудовое действие начиналось с потребления данного природой не только предмета труда, но и «орудия труда». Поэтому исследование и учет труда, когда он действует как потребитель, правомерно, и при решении вопроса о ценности потребительной стоимости учитывается именно эта сторона труда. Если труд как производитель имеет двойственный характер (конкретный и абстрактный), то с такой же необходимостью он имеет двойственный характер и как труд-потребитель. По сути это один и тот же труд, но рассматриваемый под разным углом.

Потребительные стоимости оказывают услуги лишь тогда, когда они связаны с живым общественным трудом. При этом их значение производится живым конкретным трудом, а ценность — живым абстрактным трудом. Живой абстрактный труд — общественная субстанция или производящая причина ценности потребительной стоимости. И только живой абстрактный труд может быть критерием (определителем, мерилom) величины ценности.

Количественное бытие живого абстрактного труда есть рабочее время. Поэтому потребительные стоимости выступают как однокачественные с той стороны, с которой они являются различными величинами рабочего времени, затрачиваемого обществом на их использование. Открывается принципиальная возможность определять и измерять ценность потребительных стоимостей общественно необходимым рабочим временем, затрачиваемым обществом на их использование.

Существует обратная зависимость между величиной ценности потребительной стоимости и количеством затрачиваемого на ее использование живого абстрактного труда: чем меньшее количество рабочего времени затрачивается на ее использование в единицу времени, тем больше величина ее ценности, и наоборот. Так, если за единицу времени принять семичасовой рабочий день, то ценность потребительной стоимости, на использование которой затрачивается в эту единицу времени 14 часов рабочего времени (работают два человека по 7 часов), будет

вдвое больше ценности потребительной стоимости, на использование которой затрачивается 28 часов (работает четыре человека по 7 часов). Сравнение потребительных стоимостей по их ценности — процедура не более необычная, чем сравнение товаров по их стоимости.

Установление субстанции и критерия ценности потребительной стоимости возможно лишь в социалистическом обществе, так как именно в нем производятся соответствующие общественные отношения: живой труд, затрачиваемый на использование потребительных стоимостей достаточно четко распределен и на использование каждой из них общество может затратить не любое, а вполне определенное количество этого труда.

В своем единстве качественная определенность (живой абстрактный труд) и количественная определенность (величина этого труда) составляют меру ценности потребительной стоимости, в пределах которой она используется как имеющая ценность. Являясь сущностью потребительной стоимости, ценность — также процесс противоречивый. Стремление людей использовать в потребительных стоимостях постоянно развивающееся знание отрицается невозможностью воплотить его в уже используемые потребительные стоимости. Отрицательная тенденция рано или поздно одерживает верх, что выражается в старении знания, воплощенного в используемых потребительных стоимостях и проявляется как «моральный» износ при физической пригодности к использованию.

Таким образом, потребительная стоимость противоречива как на уровне бытия (противоречиво значение), так и на уровне сущности (противоречива ценность). При этом противоречие в сущности проявляется через противоречие в явлении, на уровне значения.

Как же проявляется ценность, если она не имеет предметной формы, не воплощена в потребительной стоимости? Ценность есть определение сущности, а в сущности, как известно, все относительно. Поэтому ценность потребительной стоимости проявляется в процессе ее использования, где ценность, как в зеркале, отражается в значении других потребительных стоимостей, в которых она получает свою предметную форму.

Ценностный критерий может использоваться как универсальный, подобно стоимостному, а использование стоимости и ценности для определения общественного продукта даст более полное знание о нем.

Необходимо разработать систему знаков, а также принцип измерения и учета ценности потребительных стоимостей в интересах общественного производства, его регулирования.

Список литературы: 1. Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. 2. Иванов Ю. Эффективность социалистического производства: вариант политэкономического анализа. — Коммунист, 1983, № 14, с. 39—49. 3. Медведев В. Политэкономия социализма: некоторые актуальные проблемы. — Правда, 1983, 5 авг.

Поступила в редколлегию 15.03.85.

**К ВОПРОСУ ОБ ИНТЕРПРЕТАЦИИ ОДНОГО
ИЗ ФРАГМЕНТОВ «ЭКОНОМИЧЕСКО-ФИЛОСОФСКИХ
РУКОПИСЕЙ» 1844 г. К. МАРКСА**

«Экономическо-философские рукописи» 1844 г. К. Маркса являются важной вехой на пути создания марксистско-ленинской теории. Несмотря на очевидное влияние феербаховского антропологического материализма, незрелость отдельных формулировок, неразработанность категориального аппарата для адекватного выражения нового мировоззрения, эти рукописи замечательны тем, что в них изложены исходные положения диалектико-материалистической философской теории, основ научного коммунизма и политической экономии. К «Экономическо-философским рукописям» К. Маркса не в меньшей степени, чем к тезисам о Фейербахе, применима емкая оценка Ф. Энгельса — «гениальный зародыш нового мировоззрения».

В этом произведении имеется немало положений, которые вошли в арсенал зрелого марксизма. Его часто цитируют, тем более, что некоторым утверждениям К. Маркс придал блистательную афористическую форму. Вместе с тем к цитированию этого раннего труда К. Маркса для выражения или подтверждения точки зрения зрелого марксизма нужно подходить с известной осторожностью.

Как убедительно показали советские исследователи (Н. А. Лапин, В. В. Кешалава, Т. И. Ойзерман, Г. А. Багатуря, В. С. Выготский), историки марксистско-ленинской философии из ГДР (М. Бур, Р. Штенгервальд) «Экономическо-философские рукописи» не следует концептуально ни противопоставлять произведениям зрелого марксизма, ни отождествлять с ними. «Формирование марксизма запечатлено в «Экономическо-философских рукописях», — подчеркивает Н. И. Лапин, — именно как процесс, когда рождающееся научное мировоззрение еще не обрело устойчивой структуры» [3, с. 272]. Естественно, что нужно учитывать контекст высказываний К. Маркса, а также многослойную структуру самого текста, особенно его заключительной части, в которой основоположник марксизма переосмысливает значение гегелевской философии. В этой части рукописи суждения и оценки К. Маркса перемежаются с изложением и критическим анализом точки зрения Гегеля.

Из «Экономическо-философских рукописей» нередко, в частности, цитируют следующий фрагмент: «*Природа*, взятая абстрактно, изолированно, фиксированная в оторванности от человека, есть для человека *ничто*» [1, с. 172]. Обычно этой цитатой хотят подчеркнуть мысль К. Маркса о том, что

природа дана познающему субъекту не в «чистом» виде, а в формах познания и практики, вследствие чего, как пишут, например, В. С. Готт и К. Х. Делокаров, комментируя этот фрагмент, «природа у К. Маркса, существуя вне и независимо от людей, приобретает значимость, «смысл» для людей естественно, только во взаимодействии с человеком, только будучи вовлеченной в сферу его практической деятельности» [2, с. 6]. В. С. Готт и К. Х. Делокаров несомненно правы, если речь идет о позиции К. Маркса в целом, проявившейся уже в его раннем труде, а тем более в произведениях зрелого периода. Однако в качестве комментария к конкретному фрагменту из «Экономическо-философских рукописей» К. Маркса разъяснение авторов страдает очевидной неточностью. Во-первых, проблема переводится в несвойственную первоисточнику аксеологическую плоскость. Во-вторых, не вполне строго высказывание «природа, взятая абстрактно, изолированно, фиксированная в оторванности от человека» истолковывается в смысле природы, взятой вне практики. Наконец, если даже согласиться с таким прочтением фрагмента, то из того, что природа приобретает значение для человека в процессе практики, вовсе не следует, что рассмотренная вне практики она выступает перед человеком как ничто. Не снимает разночтений между комментарием и содержанием фрагмента и последующее разъяснение авторов: «Обратим внимание на то, что не природа вообще есть ничто, а природа в своей оторванности от людей, и в этом смысле абстрактная, есть ничто для человека» [2, с. 6—7].

Трудности, связанные с интерпретацией этого фрагмента, имеют, по нашему мнению, другие основания. Внимательное рассмотрение контекста, в котором он находится, анализ логики марксовой критики гегелевского идеализма, понятийного словаря, с помощью которого эта критика осуществляется, убеждают, что в нем К. Маркс излагает не свою позицию, а точку зрения Гегеля. Такое предположение, хотя и без приведения какой-либо аргументации, уже высказывалось В. В. Кешалавой [3, с. 61]. Тот факт, что фрагмент продолжают цитировать как выражение мысли К. Маркса, заставляет нас вернуться к интерпретации его содержания.

Обращает на себя внимание прежде всего то, что фрагмент цитируется в несколько усеченном виде. Опускаются вводные союзы, казалось бы несущественные элементы текста, имеющие, однако, в данном случае важное значение для понимания места фрагмента в движении мысли К. Маркса, а тем самым и в его содержании. В «Экономическо-философских рукописях» читаем: «Но и *природа*, взятая абстрактно, изолированно, фиксированная в оторванности от человека, есть для человека *ничто*» [1, с. 172]. Следовательно, не только природа, «взятая абстрактно», характеризуется как ничто. В предшествующих абзацах К. Маркс последовательно оценивает понятием «ничто»

основные категориальные структуры гегелевской системы, в том числе и прежде всего абсолютную идею. Так, резюмируя критическое изложение основного содержания гегелевской логики, он пишет: «Таким образом, вся логика является доказательством того, что абстрактное мышление само по себе ничто, что абсолютная идея сама по себе ничто, что только природа есть нечто» [1, с. 171]. К. Маркс последовательно противопоставляет два совершенно различных способа теоретического воспроизведения в мышлении природы, человека, познания и истории. С одной стороны, — гегелевский, идеалистический способ, исходящий из мистического субъекта—объекта, абсолютной идеи, модификацией которой оказывается вся действительность, вследствие чего постигающее мир мышление обречено на «безостановочное кружение в самом себе», с другой стороны, — материалистический, который исходит из реального, практического взаимоотношения человека и природы. Гегелевский способ мышления о мире К. Маркс называет абстрактным, отчужденным, недействительным. Именно с точки зрения этого мышления действительная природа оказывается абстрактной, «недействительной природой», действительный, предметно действующий человек — «недействительным человеком», а содержательная, живая, чувственная, конкретная деятельность самоопредмечивания становится лишь абстракцией этой деятельности — абсолютной отрицательностью» [1, с. 170] и даже ее «бессодержательной формой». В связи с этим К. Маркс не только абсолютную идею, но и природу в той спекулятивной форме, в какой она представлена в гегелевской философии, обозначает понятием «ничто».

В произведениях зрелого периода основоположник диалектического и исторического материализма дает более развернутую, глубокую и вместе с тем более точную характеристику гегелевской философии. Для правильного понимания отношения К. Маркса к Гегелю, проявившегося в «Экономическо-философских рукописях», нужно учитывать, что их автор, отмечая вклад Гегеля в разработку диалектики, в то же время главное внимание уделяет принципиальному размежеванию идеалистической и материалистической позиций; что на оценку К. Марсом в этом произведении гегелевской системы, в том числе и на использование понятия «ничто» для характеристики спекулятивной философии, оказал заметное влияние критицизм Л. Фейербаха. Противопоставляя материалистическое понимание категории бытия («наличность, для себя бытия, реальность, существование, действительность, объективность») бытию «в качестве объекта спекулятивного мышления», Л. Фейербах, например, пишет: «Ведь абстрактное бытие, бытие без действительности, без объективности, без реальности, без для себя бытия, есть, разумеется, ничто, но в этом ничто я выражаю

только ничтожность этой моей абстракции» [5, с. 172]. Наконец, материалистическое понимание истории, ставшее методологической основой материалистического осмысления историко-философского процесса, в раннем труде К. Маркса находилось в зародышевом состоянии. Для К. Маркса-теоретика характерно стремительное развитие. Уже приблизительно через год, в период написания тезисов о Фейербахе, совместной работы с Ф. Энгельсом над «Немецкой идеологией» он несколько иначе расставит акценты в оценке теоретического наследия своих непосредственных предшественников. Логика развертывания материалистического понимания истории, превращения его в строгую научную теорию выдвинет необходимость критики метафизическо-натуралистической ограниченности материализма Л. Фейербаха и выявления содержательных сторон гегелевской философии.

В том, что положение — природа, взятая абстрактно, изолированно, фиксированная в оторванности от человека, есть для человека ничто — представляет собой изложение гегелевской точки зрения, можно убедиться, рассматривая анализ К. Марксом гносеологических оснований гегелевского идеализма. Как пишет К. Маркс, у Гегеля — «субъект есть самосознание» [1, с. 158], т. е. субъект берется в отчужденной форме как абстракция реально действующего, практически изменяющего внешнюю природу человека. Это и является в конечном счете глубинной причиной того, что объекты познания оказываются лишь «мысленными сущностями», «мысленными предметами», ибо, находясь в рамках самосознания, ничего, кроме самого сознания, созерцать невозможно. Диалектические превращения гегелевского мистического субъекта-объекта, абсолютной идеи имеют своим гносеологическим основанием мистификацию реальной познавательной деятельности. Так, переход от логики к философии природы в системе немецкого идеалиста К. Маркс связывает с «фантастически описываемым переходом от абстрагирования к созерцанию» [1, с. 127]. Но выясняется, что «абстрактному мыслителю», философу-идеалисту в природе нечего созерцать, кроме тех абстракций, которыми он уже оперировал, как иронически пишет К. Маркс, в «божественной диалектике», т. е. в логике. «Таким образом, — продолжает К. Маркс, — вся природа является для него только повторением в чувственной, внешней форме логических абстракций» [1, с. 173]. Для Гегеля, подчеркивает К. Маркс, цель состоит в «упразднении самой предметности», для него «предмет есть нечто отрицательное, само себя упраздняющее, есть *ничтожество*» [1, с. 165]. Поэтому философ-идеалист, «абстрактный образ отчужденного человека», сделавший себя «масштабом отчужденного мира» [1, с. 157], усматривает в природе лишь то отчужденное человеческое самосознание, которое он сам в нее вкладывает. Поэтому именно для Гегеля природа, взятая абст-

рактно, в оторванности от человека и его сознания, «есть для человека ничто».

«*Природа как природа*, т. е. поскольку она еще отличается чувственно от этого тайного, скрытого в ней смысла, природа, отделенная, отличная от этих абстракций, есть *ничто, обнаруживающее себя как ничто*» [1, с. 173]. Вывод, который делает К. Маркс из рассмотрения места философии природы в системе Гегеля, на наш взгляд, не оставляет никаких сомнений в том, что процитированный ранее фрагмент является одним из звеньев в цепи критического изложения гегелевской точки зрения.

Список литературы: 1. Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 42. 2. Готт В. С., Делокаров К. Х. К. Маркс и некоторые философские проблемы науки. — Филос. науки, 1984, № 4, с. 3—11. 3. Кешалова В. В. Миф о двух Марксах. М., 1963, с. 119. 4. Лапин Н. И. Молодой Маркс. М., 1976, с. 415. 5. Фейербах Л. Основные положения философии будущего. Л. Фейербах. Избранные философские произведения. М., 1955, т. 1, с. 143—234.

Поступила в редколлегию 11.03.85.

Л. И. БОНДАРЕНКО, канд. филос. наук,

М. Д. КУЛТАЕВА, канд. филос. наук

КРИТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ФИЛОСОФСКО-ПЕДАГОГИЧЕСКОЙ КОНЦЕПЦИИ НЕМЕЦКОГО НЕОГЕГЕЛЬЯНСТВА

Философско-педагогические идеи занимают видное место в немецком неогегельянстве. Это объясняется прежде всего тем, что одной из центральных проблем данного направления является взаимоотношение индивида и общности. Немецкое неогегельянство складывается под сильным влиянием философии жизни В. Дильтея, придавшей антропологическую окраску этому варианту «обновления» Гегеля. Тем не менее интерес к проблеме воспитания человека, его социализации нельзя всецело приписывать воздействию дильтеевских традиций. Он обусловлен более глубокими причинами, такими, как стремление осмыслить особенности общественного воспроизводства человека в буржуазном обществе эпохи империализма и на основе этого разработать альтернативу теории и практики коммунистического воспитания.

Последнее предопределило главную черту философско-педагогической концепции немецкого неогегельянства — ее антикоммунистическую направленность. В ней предпринимается попытка рассмотреть узловые вопросы формирования человека сквозь призму «противоречия между Западом и Востоком». Но здесь речь идет не об основном противоречии современной эпохи, а о некоем универсальном внеисторическом эталоне личност-

ного развития, отход от которого присущ якобы практике коммунистического воспитания. Гносеологические и социальные корни подобных рассуждений были раскрыты еще основоположниками марксизма, которые считали, что новые формы воспитания человека буржуазное сознание отождествляет с уничтожением «самых дорогих для человека отношений» [1, т. 4, с. 443]. В этом же духе выдержаны извращения теории и практики коммунистического воспитания, широко представленные в немецком неогегельянстве. В качестве примера здесь уместно привести философско-педагогическую концепцию Т. Литта. Односторонне истолковывая тот факт, что в условиях социализма воспитание начинается с создания объективных условий развития личности, он склонен усматривать в практике социалистического строительства своеобразный «педагогический эксперимент». Данный вывод следует рассматривать как косвенное признание успехов, достигнутых реальным социализмом в области коммунистического воспитания. Т. Литт пишет по этому поводу: «В коммунизме мы узнаем всемирно-исторический феномен, который следует оценивать не только с точки зрения социальной политики, экономики, но и под углом его педагогического значения. Без преувеличения можно сказать, что коммунизм представляет собой величайший педагогический эксперимент, который когда-либо знала человеческая история» [7, с. 84].

В этой связи обратим внимание на следующий момент, позволяющий раскрыть содержание, вкладываемое Т. Литтом в понятие «педагогический эксперимент». Следуя основным принципам неогегельянства, он отождествляет общественный строй с государством, полностью игнорируя экономическую основу последнего. Государство же, по Литту, детерминировано структурами объективного духа и в первую очередь — мировоззрением. Рациональная мировоззренческая ориентация и особенно научное мировоззрение в понимании Литта сводят все функции государства к воспитательным воздействиям. «Государство, — пишет он, — идентифицирующее себя с «научным мировоззрением», не может быть ничем иным, кроме как воспитывающим и обучающим государством» [7, с. 85].

Возвратившись к концепции Литта, отметим, что он рассматривает социалистическое государство как средство полного подавления личности при пощомни коллективистски ориентированного мировоззрения. Эту точку зрения разделяют и другие представители данного направления. Э. Шпрангер, позиция которого характеризуется синтезом основных идей философии жизни и неогегельянства, пишет: «Будущий немецкий человек никогда не станет коллективным человеком и ... никогда, подобно советскому человеку, не потеряется в коллективе» [10, с. 196]. Игнорируя то обстоятельство, что коллективизм не может насаждаться государством, а является сущностным выражением социалистических общественных отношений, в равной

мере и Литт, и Шпрангер стремятся обосновать теоретические принципы борьбы против коллективистских тенденций.

Центральное место в этих принципах занимает модернизация гегелевской диалектики объективного и субъективного духа, в которой, как мы покажем ниже, основной акцент делается на субъективном духе. Именно этот момент буржуазные историки философии выделяют как особую заслугу Литта, который, по их мнению, противопоставил спонтанное воспитание целенаправленным педагогическим усилиям [8, с. 233]. На первый взгляд, декларирование необходимости свободного, анти-авторитарного воспитания противоречит исходным установкам неогегельянства, в частности абсолютизации воспитательного воздействия структур объективного духа. В концепции Литта данное противоречие снимается посредством постулирования внутренней взаимосвязи, якобы существующей между иррационально истолкованной «жизнью» и государством. Данная связь, по Литту, опосредована через идеал образования, конкретные черты которого формируются «жизнью». Приведем характерное высказывание Литта: «Всякий конкретизированный идеал образования вырастает с прелогической необходимостью из глубин жизни, устанавливая сущностное родство между философски разработанным мировоззрением и педагогической идеей» [6, с. 84].

Формирование идеала личностного развития рассматривается у представителей немецкого неогегельянства в отрыве от предметно-практической деятельности человечества, вне социально-классовых отношений. Типичные для данного направления мистификации «жизни» и обращение к структурам объективного духа здесь разворачиваются в программу «индивидуализации образования» [6, с. 77—78]. Ее методологическое оснащение базируется на извращенных представлениях о природе и специфике культурной деятельности, разновидностью которой является воспитание. В анализируемой концепции данный вид деятельности лишается предметного содержания и рассматривается в соответствии со стереотипами идеалистического мышления как актуализации структур объективного духа на субъективном уровне. Эти же объективные структуры выступают и в роли границ культурно-исторической активности личности, обеспечивая, по мысли авторов, гармонизацию отношений между индивидуальностью и общностью. Основываясь на подобных рассуждениях, Шпрангер дает следующее определение воспитанию. «Воспитание, — пишет он, — представляет собой сознательную культурную деятельность, которая оказывает помощь развитию с той целью, чтобы человек своими силами постиг, оценил и сотворил смысл и нравственное содержание доступного ему мира культуры» [9, с. 23]. В свою очередь упомянутые «индивидуальные миры культуры» оказываются обусловленными объективным духом.

Нетрудно заметить, что Шпрангер в данном случае воспроизводит гегелевскую диалектику объективного и субъективного духа: индивид путем распредмечивания усваивает культурно-исторический опыт, опредмечивая в то же время свою сущность. Но в отличие от гегелевской концепции процесс опредмечивания представлен у Шпрангера в свернутом виде. В частности, анализируя механизмы развития и преумножения общественно-исторического опыта, Шпрангер акцентирует не творческую активность субъекта, а такие свойства «объективной культуры», как самостабилизация, «инстинкт самосохранения». Проследим за логикой рассуждений Шпрангера. «Каждая сфера культуры, — отмечает он, — таит в себе инстинкт самосохранения. ...А всякое творение культуры автоматически порождает волю к воспитанию. Вместе с тем можно сказать: где собираются трое, там рождается новый стиль жизни, который стремится к размножению. Но с его появлением в жизнь воспитания из объективной культуры входят чудовищные противоречия, антиномии, сплетения: пробуждается борьба образовательных сил» [9, с. 262].

Шпрангер фиксирует здесь не только внутреннюю противоречивость процесса культурно-исторического формирования субъекта, но и пытается осмыслить феномен воспитания как всеобщей формы развития личности. Следует особо выделить, что он учитывает при этом реальный факт существования идеологической борьбы в современном мире, в том числе и по вопросам воспитания и формирования человека. Однако «борьба мировоззрений», на которую обращает внимание философ при анализе контекста формирования личности, интерпретируется им внеисторически, как имманентное свойство всякой общественной системы. Иными словами, Шпрангер в своих рассуждениях не выходит за пределы традиционных идеалистических представлений о «борьбе мнений», отводя им роль источника движения личности и общества.

С этой точки зрения единственной возможностью самореализации воспитания в роли всеобщей формы развития личности является его радикальная идеологизация, отрыв от реальных общественных отношений. Вывод Шпрангера о том, что воспитание следует понимать как исключительно политическое дело, основывается, таким образом, на извращении природы идеологической борьбы, истолкованной с внеклассовых позиций. Для раскрытия причин внутренней противоречивости основополагающих моментов «философской педагогики» Шпрангера важно учитывать следующее обстоятельство. Так, он считал, что политическая сущность воспитания предполагает аполитизм объекта воспитания — личности.

Выступая от лица и в защиту единичного, которому якобы угрожают коллективистские тенденции, представители неогегельянства фактически обосновывают отказ от полноты обще-

ственных отношений, вне которых невозможна созидательная активность личности как субъекта. Игнорирование роли коллектива в формировании личности неизбежно сказывается на идеале личностного развития. В частности, идея постоянного самоусовершенствования человека, «созидание своей индивидуальности для других», которую отстаивал Гегель, исчезает из теоретического арсенала неогегельянцев в равной мере, как и ориентация на всестороннее развитие личности. «Нет общего образования человека, — заявляет Шпрангер, — а существуют лишь односторонности, которые, развиваясь, должны достичь своей специфической высоты» [9, с. 398].

Выдвижение идеала одностороннего развития личности — итог философско-педагогических изысканий немецкого неогегельянства. Пропагандируя подобный идеал, официальная буржуазная идеология стремится прийти к так называемому «новому реализму», избавиться от ложных надежд и иллюзий. Действительно, философско-педагогическая концепция немецкого неогегельянства адекватно отражает те реальные возможности развития человека, которыми располагает современный капитализм. Но вместо гуманистических идеалов и мечтаний о будущем человека и его предназначении сторонники данного течения предлагают увековечить симптомы деградации исторически бесперспективного строя.

Список литературы: 1. К. Маркс, Ф. Энгельс. Соч. 2-е изд. 2. В. И. Ленин. Полн. собр. соч. 3. М. С. Горбачев. Политический доклад ЦК КПСС XXVII съезду КПСС. — М., Политиздат, 1986. 4. *Буржуазная философия кануна и начала империализма*. М., 1977. 424 с. 5. Kohl H. *Die Wirtschaft gestalten, den Frieden sichern*, Bonn, 1983. 60 S. 6. Litt Th. *Die Philosophie der Gegenwart und ihr Einfluß auf das Bildungsideal*. Leipzig—Berlin, 1930. 90 S. 7. Litt Th. *Wissenschaft und Menschenbildung im Lichte des Ost—West—Gegensatzes*. Heidelberg, 1959. 261 S. 8. Ritzel H. *Philosophie und Pädagogik im 20. Jahrhundert*. Darmstadt, 1980. 348 S. 9. Spranger E. *Philosophische Pädagogik*. Heidelberg, 1973. 444 S. 10. Spranger E. *Volk. Staat. Erziehung. Gesammelte Reden und Aufsätze*. Leipzig, 1932. 256 S.

Поступила в редколлегию 05.03.85.